

The background of the cover is a dark, almost black, space filled with intricate, glowing blue light trails. These trails are composed of many thin, overlapping lines that create a sense of movement and depth, resembling a complex network or a nebula. The trails are most concentrated in the upper left quadrant, where they form a circular, vortex-like pattern, and then spread out towards the right and bottom. The overall effect is ethereal and mysterious, fitting the title 'Призраки' (Phantoms).

Призраки

16+

Наталия Грамацкая

Наталия Грамацкая

Призраки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64765106

SelfPub; 2022

Аннотация

Бывает, что в твой привычный мир стучится вдруг что-то незнакомое, что трудно понять, во что, кажется, невозможно поверить. Увиденное во сне приходит наяву, явь кажется сном, а то, что представлялось реальностью, вдруг превращается в туман иллюзий. Есть ли грань между настоящим и призрачным, и можно ли знать наверняка, на какой ты стороне? Многим эти вопросы могут показаться странными, и тем не менее каждый из нас однажды может столкнуться с необходимостью найти на них ответ, как это случилось с героем данной книги. Он молод, привлекателен, умён, успешен и, кажется, счастлив. Но однажды...

Наталия Грамацкая

Призраки

«Мне снилось, будто то, что я считал действительностью, есть сон, а сон есть действительность.»

А. П. Чехов

Дождь наклонился над городом. Опустошённый и одинокий, он ждал вдохновения. И вот появилась Она. Вошла тихо, на цыпочках, словно желая быть незамеченной. Расстегнула заклепку. Волосы укрыли её плечи, как сияющая мантия. Она откинула голову назад, закрыла глаза и, подавшись вперёд всем телом, замерла, будто птица перед полётом. Тысячи поющих ручьёв понесли звуки в сердце дождя, превращаясь в океан. Разливающаяся стихия росла, набирала силу. Дождь понял: момент настал. Он протянул руку, и коснулся длинным чутким пальцем одной единственной клавиши. Это был золотистый кленовый лист. Он качнулся и запел высокой чистой нотой. В это мгновение тугая, распираемая гребнями зарождающихся волн, но пока недвижимая вселенная звуков в сердце дождя дрогнула. Он закрыл глаза и ещё ниже склонился над своим многоцветным живым роялем, словно в поклоне. Пальцы его заскользили по клавишам: по травинкам и листьям, по зонтикам и ладоням прохожих, по коже танцующей девушки. Она отзывалась на каждое прикосновение

нотой жеста, движением чуткого тела: то рвалась вверх, то падала беззвучно, то металась над землёй, словно осенний лист. Её гибкие руки трепетали, как тонкие ветви дерева на ветру. Они то касались её лица, то скользили по телу, то гладили что-то невидимое вокруг.

Но вдруг резкий звук пронзил небо над нею, словно молния. Всё вдруг смешалось и закружилось в цветном стремительном вихре.

Я открыл глаза. За окном надрывно кричал автомобиль скорой помощи, сияло безоблачное утро. Пытаясь вернуться в сон, накрыл голову подушкой. Сегодня я мог себе это позволить: было воскресенье.

Глава 1

Так бывает, что, проведя в магазинах полдня, пытаюсь отовариться на неделю, дабы не мучить себя каждодневным шоппингом, забудешь что-нибудь очень нужное именно сегодня. В этот день я забыл соль. Без неё мой долгожданный ужин грозил не сбыться, потому я вынужден был «взять себя в руки» и понести к ближайшему супермаркету. Выйдя из дому, пошёл знакомой дорогой вдоль проспекта, мимо магазинов модной одежды, многочисленных кафе, предвыборных агитационных плакатов, убеждающих одеваться, есть и думать правильно, испытывая привычное ощущение, что вижу то, что не важно, что видел много раз, а важное остаётся не замеченным. Наконец, преодолев при помощи свето-

фора шумное городское шоссе, я, оглушённый, погрузился в пёстрые волны зацветающего осеннего парка. Зачирикали птицы, зашуршала листва под ногами, а тёплый октябрьский ветер принёс запах мокрой земли, можжевельника и мари-хуаны. Всё было, как всегда и потому казалось скучным. Я зевнул и вдруг споткнулся не помню, на какую ногу. Помню, что именно в этот момент в сердце моём шевельнулось что-то острое, тревожное, а потом ещё и ещё, не давая покоя. Я нахмурил брови в порыве понять причину произошедших во мне перемен. Мой взбудораженный рассудок принялся рисовать картины: кастрюлю на плите, извергающую содержимое на легко уязвимый огонь под ней; затем – моё жильё в тумане бытового газа.

– Стоп. – Сказал я себе. – Все кастрюли стоят невымытые в раковине. Тогда что? Может, ещё что-нибудь забыл купить?

Я устремил затуманенный беспокойными мыслями взгляд на дорогу и тут забыл обо всём. Впереди, на расстоянии примерно метров двадцати от меня шла девушка. Вроде бы, обычное дело: девушка в парке. Сколько видел их, хорошеньких и просто красавиц. Меня трудно было удивить, но эта приковала внимание с первого взгляда. Сказать, что я увидел богиню Флору, сошедшую с пьедестала, было бы – не сказать ничего. Тело её являлось верхом изящества и грации, но и ни это покорило меня. Удивительна была её походка. Она не шла... Она творила каждый шаг, каждый миг своего бытия, не торопливо, слегка вытягивая носочки, ступая мяг-

ко, как будто боясь потревожить землю и мир вокруг. Голова её была приподнята, светлые волосы спускались сияющим дождём на хрупкие плечи, правая рука была отведена так, как будто придерживала край бального платья. Без сомнения это была походка балерины, но балерины не по роду занятий, а по призванию; когда полученные навыки легко переходят в мастерство и навсегда срастаются с телом и душой, становясь частью «Я», нежного, одухотворённого, хрупкого. Я ускорил шаг и уже спустя минуту с бьющимся сердцем, удивляясь собственной бесцеремонности, следовал за нею, как тень. Она представлялась мне в эти минуты нереальным и очень ранимым созданием, случайно попавшим в этот грубый мир. На лужайке справа зазвучал детский смех. Девушка повернула голову, и я в результате смог убедиться, что и лицо её было прекрасно. Неожиданно она остановилась, присела и что-то подняла с земли. Я был в метре от неё, потому, когда девушка поднялась, мне нетрудно было заглянуть в её ладони. Надеялся увидеть чудо, но увидел пару осколков от разбитой бутылки и окурки сигареты. Она сдунула с них дорожную пыль и изящными пальчиками бережно положила в нагрудный карман кофты. И тут я заметил, что руки девушки слегка дрожат, что она бледна. Вероятно, моё потрясение было так сильно, что содрогнулся воздух, или, быть может, моя душа, упав с небес, разбилась с оглушительным звоном. Не знаю. Однако, девушка вдруг повернулась в мою сторону. Взгляды наши встретились. Я не помню цвета её глаз. Пом-

ню, что они были особенными – лучистыми, светлыми, какие бывают лишь у детей и полевых цветов. Такие глаза смотрят насквозь. Она прочла мои мысли за несколько секунд. Губы её дрогнули, взгляд стал тусклым и холодным, черты лица заострились. Незнакомка развернулась, замерла на несколько мгновений, словно раздумывая или собираясь с силами, а затем, слегка наклонившись вперёд вдруг сорвалась с места и побежала, стремительно удаляясь от меня, как летящая птица. Я смотрел ей вслед, стараясь не выпустить из вида и выбирая между здравым смыслом, убеждающим меня идти своей дорогой, и каким-то бесшабашным желанием её догнать. Последнее и удивляло меня, и мучило. Наконец, когда я подчинился ему и сделал решительный шаг в направлении улетающей знакомки, она вдруг исчезла. В том месте, где я видел её ещё секунду назад остановился плотный господин в спортивных трусах и майке. Судя по его экипировке, он должен был бежать или, как минимум идти в ритме спортивной ходьбы, но он будто застрял на этом месте. Голова его была запрокинута вверх как-то очень размашисто, будто прямо над ним было нечто, что привело его либо в восторг, либо в ужас.

Мысленно обругав господина, который возник так не вовремя, я направился к нему, сам не зная зачем. Примерно через минуту был рядом с ним. Ничего в его облике не изменилось. Он всё также стоял, как статуя, и не замечал меня. Я тоже поднял голову, пытаюсь прицелиться в ту же точ-

ку, которой любовался замороженный, но ничего ни восхитительного, ни ужасного не увидел. Пошарил глазами даже там, куда он не смотрел. Ничего. Ничего, кроме жидких перистых облаков, размазанных по небу, как сметана по голубому блюду.

– Надо же, какой впечатлительный. – Подумал и произнёс учтивым голосом, добавив в него немного восторженных нот. – Чудесное небо сегодня! Не правда ли?!

Спортсмен не шелохнулся. Я покашлял – никаких признаков жизни.

– Может, столбняк? – Стал размышлять я вслух, оглядываясь по сторонам и ища в глазах прохожих признаки сочувствия к остолбеневшему господину.

– Стоит вот уже пять минут. – Обратился я к седоволосой даме в соломенной шляпе, кивая на замёрзшего. – На вопросы не отвечает. Дама остановилась и с любопытством посмотрела на спортсмена снизу вверх.

– Крепкий такой. На больного не похож. Может, глухой? – Тихо, почти шёпотом произнесла она. – Надо бы погромче. Попробуйте. – Обратилась она ко мне. Я замялся.

– Неудобно как-то.

Дама пожала плечами, сделала шажок по направлению к господину, приподнялась на цыпочках и, сделав глубокий вдох, выкрикнула.

– Как вы себя чувствуете?

Я вздрогнул, потрясённый возможностью человеческих

голосовых связок. Вероятно, то же самое испытали и двое молодых людей, уже прошедших мимо нас большими быстрыми шагами. После возгласа дамы они дружно развернулись в нашу сторону и вскоре уже осматривали спортсмена. Один из них, высокий, в широких чёрных джинсах и майке без рукавов, с надписью на левом плече «Люблю пиво» заглянул с высоты своего почти двухметрового роста в глаза обследуемого и решительно произнёс.

– Травки нанюхался пацан, от того и завис.

– Не похож он на космонавта, Славик. Посмотри, сколько в нём крови с молоком. Килограммов сто, не меньше. – Мягко возразил второй, в коротких голубых шортах с бахромой по краю и светлой блузке, манерно растягивая слова. – Может, он медитирует на солнце, как эти... Куру? Пуру? Забыл.

– Гуру. – Поправила его дама в шляпе. – Проповедники просветления через медитацию. Однако, он выбрал странное место. Просветляться лучше в уединении. Я делаю это дома по тридцать пять минут два раза в день за час до еды.

– Какие сложности. – Славик ухмыльнулся. – Три бутылочки Heineken или чего-нибудь покрепче и до, и после еды! Просветление высшего качества!

– Верно. – Поддержал его напарник, затем наклонился, сорвал на газоне травинку и, хихикнув, засунул её в ноздрю замёрзшему.

– Дура! – Воскликнул «Люблю пиво», названный Славиком. На его широком загорелом лице отразился испуг. И

в этот момент замёрзший вдруг оттаял. Он опустил голову и обвёл присутствующих мутным беспокойным взглядом, словно только что очнулся от страшного сна.

– Опс. – Шепнул молодой человек, названный дурой, и спрятался за спину Славика.

– Улетел. – Прошептал спортсмен.

– Кто? – Спросил Славик.

– Не знаю. Всё как-то нечётко было. Вот так. – Спортсмен подпрыгнул и взмахнул руками, вероятно пытаясь изобразить увиденное.

Все почему-то посмотрели на меня.

– Не видел я ничего летающего. – Категорическим тоном заявил я, но почему-то покраснел.

Дама в шляпе взяла руку спортсмена, обхватила его запястье пальцами так, как это обычно делают, желая посчитать пульс, замерла, шевеля губами, и через несколько секунд выдохнула. – Переутомился! Со мной тоже такое бывает. Вам, голубчик, отдохнуть надо. На газончике полежать или на скамеечке посидеть.

– Ничего такого мне не нужно! – Обиженно пробурчал тот и, ни с кем не простившись, потрусил по тропинке, не проявляя ни малейших признаков слабости.

Дама помрачнела. – Если не переутомился, то плохи его дела. Не к добру это, когда призраки видятся. – Последнее предложение она произнесла каким-то зловещим голосом и так же, как спортсмен, не простившись, покинула место про-

исшествия не по годам стремительной походкой.

Двое оставшихся свидетелей переглянулись.

– Я же говорил «нанюхался»! А ты; не космонавт, не космонавт. – Передразнил Славик.

– Да, хоть психонавт. Пойдём, пупсик. – Пропел молодой человек в шортах и погладил левое плечо Славика. – Пивко ждёт. – Он игриво подмигнул мне накрашенным глазом, и через пару минут любители пива уже бодрым шагом удалялись от меня.

Оставшись один, я огляделся и поймал себя на мысли, что сделал это лишь с единственной целью: найти скрывающуюся от меня девушку. Всё увиденное в этот раз показалось каким-то раздражающим, лишним: деревья, газоны, люди, собаки. Забыв про соль, я побрёл по дорожке парка, вращая головой и слушая извечный диалог двух половин меня.

– Знакомиться с девушкой на улице – бессмысленная затея. Кто знает, может быть, ты герцог, сбривший синюю бороду? – Громко заявила о себе первая. Слушая её, я обычно представлял плотный комок мозговых извилин. Он имел хорошо поставленный голос и в своих репликах всегда был убедителен и твёрд. Ему трудно было возразить, потому я окрестил его Лоб.

– Между прочим, твои родители познакомились в автобусе. А ты напугал девушку и должен извиниться. – Возразила вторая. Тот, кого когда-то грызла совесть, поймёт, каким я видел эту часть себя: этакий упрямый мыш. У него не было

ни голоса, ни доводов, но он почти всегда брал верх, так как был чрезвычайно настойчив и имел поразительный нюх на то, что мне хотелось сделать, но на что я без его поддержки не решился бы. Я называл его Грыз.

– Твой отец знал, как себя вести с девушками, однако, как видно, яблоко от яблони иногда падает очень далеко. – Сказал Лоб, как отрезал, а затем отрезал ещё раз. – К тому же у тебя уже есть дама сердца.

– Да? – Мой внутренний мышшь поднял торчащие редкой щетиной брови, демонстрируя недоумение. – Как это я не заметил её?

– А кто с Анной бродил меж сосен и кипарисов и два часа рассказывал о зоопсихологии, душах осьминогов, львов, собак и прочей живности?!

Грыз вздохнул. – Неудачная тема, согласен. О маринованных кальмарах Анне было бы интереснее.

– А кто на её бюст заглядывался? А? – Не унимался Лоб.

– Всё! Стоп! – Приказал я им обоим, испытывая почему-то страшную неловкость и жар в краснеющих ушах, хотя помнил, что смотрел на Анну так, как было принято смотреть на девушек в кругу моих сверстников: уверенным, оценивающим взглядом бывалого оценщика. Такой взгляд, по моему убеждению, ничего не значил и не мог налагать никаких обязательств. Во мне давно жила уверенность, появившаяся не известно откуда, что где-то есть девушка, предназначенная только мне, увидев которую, я сразу узнаю, и с ней

всё будет иначе.

– Сейчас куплю соль и сотворю себе омлет с грибами по итальянски! – Скомандовал я себе, стараясь настроить голову, как приёмник, сбившийся с привычной волны, после чего попытался представить этакий золотистый курган на тарелке, сияющий под лучами моего испепеляющего голода. Однако, моё сознание нарисовало другие картины. Я снова увидел Её, шаг за шагом до скоропостижно замёрзшего спортсмена и тут же остановился, осознав, что исчезновение девушки в этом моменте моих воспоминаний не имеет никаких объяснений.

«Он улетел!» – Вдруг вспомнил я слова замороженного.

– Чушь какая-то. – Сказал я себе. Слишком много Стивена Кинга на ночь.

Затормозивший неподалёку на стоянке машин бордовый Rolls-Royce прервал мои размышления. Я обрадовался увиденному необычайно: оно было ярко, понятно и вполне реально, а значит, могло помочь мне вернуться в потерянное несколько минут назад состояние равновесия. Я постарался как можно отчётливее представить себя, летящего в университетский гараж за рулём этого суперкара, в окружении восхищённых зрителей.

Что-то шевельнулось во мне, требуя большего пространства.

– Здорово! Однако, тебе, будущему преподавателю биологии, к сожалению, это не светит. Менеджер высшего зве-

на, стоматолог, вот на кого стоит учиться! – Услышал я голос Лба.

– Здорово. – Передразнил Лба Грыз. – Каждому лбу свои звёзды! В древнем Китае, например, особо выдающиеся члены общества подчёркивали свою значимость, малюя на груди вывеску «Белый Орёл», а богатые римские центурионы подчёркивали свою элитность ношением колец в сосцах.

– А причём тут сосцы? – Возмутился Лоб.

– А при чём тут Rolls-Royce? – Улыбнулся Грыз, сверкнув острыми, как иглы, зубками.

Коварный мышь знал, куда укусить, и всегда делал это грамотно: больно, но не смертельно, щадяще ровно на столько, на сколько достаточно было возбудить во мне страстное желание избегать его зубов. После его укусов меня обычно посещал необычайный энтузиазм, потребность доказать ему, что я не кусок сыра и в состоянии сам принимать правильные решения. Сейчас я почувствовал необходимость обдумать всё произошедшее со мной. Последний раз оглядев окрестности и потеряв последнюю надежду увидеть девушку, побрёл в направлении супермаркета.

Глава 2.

Сегодня был седьмой день моего первого в жизни подвига самостоятельной заботы о себе самом. Родители уехали навестить бабушку, оставив мне небольшой капитал и боль-

шой список наставлений и кулинарных рецептов. Первые три дня я почти голодал: стоило мне выбрать из рецептурного справочника что-нибудь многообещающее, как оказывалось, что половины ингредиентов не хватает. Причём, чем меньше у меня было шансов осуществить намеченное, тем сильнее становился голод. В результате поход в магазин с целью исправить ситуацию становился для меня, теряющего последние силы, практически невозможен, и мне приходилось закидывать в бездушный, терзающий меня желудок всё, что можно было закинуть без угрозы для жизни. В итоге спустя два дня я уже не мог даже думать о сырых морковке и капусте, шпинате и петрушке, хлебе с сыром и без. Разумный человек не поймёт моих страданий и будет удивлён, почему я не обратился к услугам общепита. Почему? О, это долгая история, но я попытаюсь изложить её коротко, насколько это возможно. Дело в том, что мои родители всегда были сторонниками здорового образа жизни и, как следствие, здорового питания. О калориях я услышал раньше, чем о бабе яге и сером волке. А слово «полезно» было вторым произнесённым мною словом после слова «мама». На одной из стен нашей кухни висит деревянный щит средних размеров, служащий доской объявлений. К нему мама прикалывает канцелярскими кнопками вырезки из газет и журналов о преимуществах здорового образа жизни и опасностях нездорового. Моя мама – врач диетолог. Она презирует лекарства. По её убеждению, настоящий врач должен уметь лечить словом и в запу-

ценных случаях – скальпелем. Как говорит папа, по профессии преподаватель биологии, слава маме, что до скальпеля в нашей семье ещё никто не докатился.

Итак, три дня я был голоден, а сегодня седьмой. Это значит, что начиная с четвёртого я взял ситуацию под контроль и планировал всё заранее. Теперь у меня было меню на неделю вперёд и отоваривался я в супермаркетах с учётом моих далекоидущих планов. В этих планах сегодняшний день был выделен особо, красным маркером. Напомню, что он был седьмым, а значит, в определённом смысле – юбилейным. Я решил устроить по этому поводу банкет в маленькой компании самого себя и Стива, моего однополчанина по институту. Сейчас было пять часов десять минут. Он обещал подойти к семи со своим ужином. Почему со своим? Потому что Стив не был сторонником здорового образа жизни.

– Самоубийца, – думал я о нём, нарезаая кольцами и кубиками всякую всячину и заглядывая на страницу кулинарной книги. С её помощью я должен был сотворить салат по гречески и спагетти по итальянски. – Гулять, так гулять!

Пройдя все ступени рецептурной лесенки, я, наконец, добрался до самой ответственной – «Попробовать на соль, сахар, специи.» Я попробовал на соль и остался доволен; затем попробовал на сахар и поставил себе «отлично»; после – на специи и испытал такой восторг, что не смог не попробовать ещё не раз на всё сразу (на соль, сахар и специи). В итоге, к

приходу Стива я был сыт.

– Смотри, что я тебе принёс! – Воскликнул он своим густым, совсем не юношеским басом, кивая на два объёмных пакета, которые он бережно сжимал в своих объятых.

Я снисходительно улыбнулся. – Отдай это всё своему врагу. У меня для тебя сегодня – Греческий салат! Ты помнишь Геракла? Говорят, он ел его три раза в день.

– Геракл для меня не авторитет. – Стив подошёл к столу, брезгливо сморщившись, отодвинул всё, чем я так гордился, и выложил из пакетов две порции картошки фри и два бургера, размером с мои кроссовки.

– Горячие, по моему индивидуальному заказу. Качество гарантирую!

Тут надобно сообщить, что в течение всей нашей со Стивом дружбы каждый из нас пытался обратить другого, так сказать, в свою веру. Однако, любые попытки разделить с другом его трапезу, были сопряжены с риском для здоровья. Не так давно, на званном обеде по случаю моих именин подвиг самопожертвования совершил Стив. Он не смог отказать моей маме, уговаривающей его попробовать любимое блюда Юлия Цезаря. Как позже утверждал потерпевший, всю ночь в страшных снах выше названный политический деятель и полководец преследовал его с копьём на перевес. Сегодня была моя очередь рисковать здоровьем, и мой друг напомнил мне об этом. Я сделал отчаянную попытку спастись.

– Стива, – сказал я заискивающим голосом, – у тебя же отлично по биологии. Ты же лучше меня знаешь, что человеку для жизни нужно не так уж много.

Стив наклонил голову над тарелкой с бургером и шумно вдохнул, а потом выдохнул. – Класс! Я не инфузория туфелька, чтобы хлебать белки с углеводами и жирами. Я – человек, а это, как известно, звучит гордо. Человек интересен для меня не только потому, что он умеет взвешивать «за» и «против», но прежде всего потому, что всё в жизни для него имеет вкус. Чем бы разумный не занимался – едой, сексом, игрой в «кошки – мышки», он старается это всё сделать вкуснее, но о вкусах, как гласит народная мудрость, культурные люди не спорят. Потому хватит демагогию разводить, давай пробовать жизнь на вкус. – Стив распахнул рот, с хрустом лишил бургера одной трети его естества и в перерывах между жеванием заговорил. – Поздравляю! Семь дней свободы пошли тебе на пользу. Ты даже выше ростом стал, шире в плечах.

– Не ври. – Возразил я. – Больше килограмма потерял. Кухня не моё призвание.

– Нет, что ни говори, а запах свободы сладок! Я счастливчик. Моим предкам – не до меня. Папан занят бизнесом, маман – собой. Потому я продегустировал к своим двадцати почти все земные радости. Только свобода, друг, дарит полноту ощущений. – Стив пододвинул ко мне бургер и фри. Ешь! И не вздумай критиковать! Даренному коню по зубам

не дают.

– Свобода, на мой взгляд, хороша лишь в определённых количествах, как сахар, к примеру. – Ответил я с опаской поглядывая на подарки.

– Опять количество! Граммы, килограммы, калории! Ты что всю жизнь будешь их считать?

– А что в этом плохого? Ведь в природе всё рассчитано, всё взвешено даже не с ювелирной, с фантастической точностью! – Я отметил восторженной улыбкой последний миг жизни башмакообразного бургера в зубах Стива. Он улыбнулся мне в ответ и с воодушевлением стал развивать контраргументы.

– Человек это не всё. У него – особая шкала ценностей. Особая и у человека, как биологического вида, и у человека, как индивидуума. Если я не буду есть бургеры, я не буду Стив. Если Анна, на которую ты пялишься, не будет покупать дорогие шмотки и менять их по сто раз на день, это будет не Анна.

– Я сегодня видел девушку в парке. – Не знаю почему и зачем вдруг сказал я и начал энергично мешать ложкой в своей чашке с остатками чая.

– Да, ну? – Стив поднял брови так, что они исчезли под его белобрысой, напоминающей маленький стог сена, чёлкой. – А я и не знал, что в наших парках водятся девушки. Расскажи! – Он откинулся на спинку стула. Вероятно, что-то в моём лице удивило его, и гримаса ехидства сменилась выраже-

нием искреннего интереса.

– Мне кажется, у неё проблемы. – Сказал я и залпом опустошил свою чашку.

Во взгляде Стива появилась тревога. – Проблемы? А у кого их нет? У тебя, что нет проблем? У меня – воз. Грядущий зачёт по социологии, к примеру. Это даже не проблема. Это – бедствие, конец Света! Ты же знаешь, у меня аллергия на общественные науки. Я от них если не сплю, то чешусь.

– Она собирала сигаретные окурки и бутылочные стёкла на дороге. – Перебил я его.

– Да? – Стив сдвинул брови и, помолчав в таком виде секунд пять, добавил неуверенно. – А может быть, она их коллекционирует. – Он опять пристально посмотрел на меня. – Да ты не злись. Допустим, что её проблемы серьёзнее твоих, но сколько их, таких проблемных. Всем не поможешь. Согласно официальной статистике, к примеру, только наркозависимых сейчас около шести процентов населения планеты, но это, так сказать, зарегистрированные пользователи. Прибавь сюда тех, кто пока не решился заявить о себе во всеуслышание, и тех, кто периодически нюхает, курит, колет, колесит, и тех, кто сидит на транквилизаторах, антидепрессантах, назначаемых в так называемых медицинских целях. Получится все пятьдесят процентов! Поверь мне, я знаю, о чём говорю из собственного опыта. Наркота сейчас – приправа и к бесшабашным кутежам, и к интеллектуальным беседам.

– Но почему? – В недоумении спросил я. – Почему при таком обилии информации о вреде наркотиков, количество принимающих их не уменьшается, а растёт? Ведь факты, которые ты привёл, общедоступны. Это реальность.

Стив посмотрел на меня так, как, вероятно, старший брат смотрит на младшего, когда тот задаёт ему вопросы типа «Что делает солнце ночью?», или «Почему у кролика длинные уши?». Я знал этот взгляд, он был одной из достопримечательностей его образа, которая никогда не обижала меня. Я всегда хотел иметь старшего брата и чувствовал, что моему другу, вероятно, всегда не хватало младшего. Мы оба были единственными детьми в наших семьях. Итак, он посмотрел на меня, снисходительно улыбаясь, и изрёк.

– Большинству людей реальность не интересна, и у каждого страуса свой песок.

– У каждого страуса. – Сказал я, сделав акцент на слове «страус».

– Не задавайся, друг мой. – Изрёк Стив. Лицо его приняло серьёзное выражение. – Я тоже кое-что попробовал. Начал с Экстази, прочитав в иннете, что в любой момент смогу сбросить в кювет, когда надоест. Добровольно подставил как-то свою шею под её задницу. Однако, очень скоро понял: та ещё штучка. Рай обещает, голову крутит всякой чепухой, но «в седле» крепко держится и в мозг «шпоры» вонзает очень грамотно, прямо «в яблочко» системы удовольствия, закрепляя своё положение сверху. Как-то на дискоте-

ке в ночном клубе посмотрел я на своих коллег по кайфу и решил: пора завязывать. Отдал все оставшиеся колёса одной длинноногой козе, что прыгала рядом. Имя у неё какое-то редкое было. – Стив насупил брови, вероятно, силясь вспомнить. – Саша? Нет. Не Саша. Даша! Точно. Даша.

– Зачем? – Спросил я.

– Что, зачем? – Стив посмотрел на меня удивлённо.

– Зачем таблетки ей отдал? Лучше бы выбросил.

Стив пожал плечами. – Я видел, она их покупала у тамошних дилеров, решил её деньги сэкономить. К тому же... – Он бросил на меня многозначительный взгляд. – Даша эта была прехорошенькая! Хотел её расположение завоевать, ну, и всё такое. Она мне даже номер телефона дала, но потом её после моих «конфет» так развезло... – Стив замолчал, будто вспомнив что-то, но через несколько секунд в глазах его снова зажглись весёлые огни. – Я усадил её в кресло у столика, и помахал рукой!

– Зря. – Сказал я, тщетно пытаюсь скрыть потрясение. – Отчего раньше мне не рассказал?

– Я никому не говорил об этом. Как говорит мой папан, «Прикрывай то, что не радует общественный глаз.» У меня были неприятности, и я решил отвлечься. Ты удивлён? Я тоже. Это было рискованное решение. Однако, вывод, который я в результате сделал прост, как всё гениальное. Ученье – свет! Забрасывать невод в океан интернета или житейский опыт случайных знакомых на вечеринке опасно для жизни.

Надо знать, где и как «рыбачить». Достоверную информацию надо добывать прицельно и начинать с физиологии человека, с биохимии его. Когда понимаешь, что добровольно выпускаешь агрессора в себя самого, что он атакует, бомбит твои коммуникационные системы, оккупирует рецепторы и топит тебя в лаже, не испытать священный гнев невозможно.

– Ты бы сказал это той девушке вместо того, чтобы ей таблетки отдавать. – Перебил я его.

– Что я проповедник, что ли? – Возмутился Стив. – Да, и не послушала бы она меня! Ладно. – Он взял бургер и вложил его в мою ладонь. – Мужчина, переживающий из-за женщины, подобен машине с пробитым бензобаком. Ему нужен срочный ремонт. Ешь. Это поможет непременно. Знаю по собственному опыту.

Опыт Стива был на сто восемьдесят градусов иной, чем мой, и это, как мне кажется, было главным связующим звеном в нашей с ним дружбе. Его могучее тело атлета являлось для меня путеводной звездой в моих мечтах о физическом совершенстве. Однако, то, что давалось мне с большим трудом, ценой ежедневных изнуряющих тренировок, было дано ему от рождения, и он играл с гирями, как ребёнок с игрушками, ради забавы. Родители его были чрезвычайно богаты, и Стив не то, чтобы сорил деньгами, но не мог представить, как можно жить на меньшие доходы. В этом отношении моя семья была для него объектом неугасаемого интереса. Он часто бывал в нашем доме в то время, как я в его – всего один

раз. Его родовое гнездо располагалось в одном из лучших районов пригорода и занимало по меньшей мере гектаров двадцать. Грандиозное трёхэтажное здание в викторианском стиле, нафаршированное произведениями искусства, начиная от мебели до холодного и огнестрельного оружия, окружённое парком с зелёными газонами, клумбами, беседками, искусственными водопадами, скульптурами богов и богинь, атлантов и кариатид. Я много раз пытался после этого визита вспомнить лицо его мамы и не мог. Лишь шелест длинного платья и бряцание больших, сверкающих серёжек в ушах, проступающие из концентрированного раствора красок, звуков, театральных изгибов тел, любезных улыбок многочисленной прислуги. Помнилось также и то, что мне всё время приходилось быть начеку и следить за нижней челюстью, которая то и дело теряла связь с верхней. Я не испытывал зависти, но величайшее изумление, как ребёнок, увидевший себя однажды в сказке среди молочных рек и кисельных берегов, невольно примерял его богатства, и всякий раз при этих мыслях голова моя кружилась от грандиозных планов на то, без чего в реальной жизни я легко обходился. Именно поэтому в будущем я тактично отклонял приглашения Стива, его дом отдалял нас друг от друга. Он, вероятно, чувствовал это и вскоре его замок был исключен из списка мест наших с ним встреч.

Итак, я повертел бургер в руках, обречённо вздохнул и вонзил зубы в многоэтажный продукт с решимостью само-

убийцы. Мне действительно было всё равно в этот миг, что будет со мной после. Осмыслить вкус съеденного я не смог. Мысли мои были далеко.

– Не дурно. – Произнёс я не очень уверенно. – Все последствия будут на твоей совести.

– Всё будет хорошо и даже лучше! – Стив встал из-за стола. – Можно я на диванчик прилягу? Пол ночи не спал сегодня, в Теггага висел шесть часов подряд, раскалился до красна вместе с игровой приставкой так, что, думал, сторим, а утром, чуть свет, маман разбудила к воскресному чаю. – Он растянул, кряхтя, все свои два метра и помахал не поместившимися ступнями. – Маловат немного. Как твои родители, как бабуля?

– Родители каждый день звонят. Я рассказываю им о моих университетских и поварских подвигах, они – о поющих пелухах, сверчках, лягушках, о ветре в трубе, о том, что мечтают жить там, выйдя на пенсию. Деревня эта, Стив, как музыкальная шкатулка! Знаешь, как она называется?

Стив задумался и, зевнув, стал перечислять. – Редискино? Морковкино?

Я отрицательно покачал головой и с гордостью выдал. – Никогда не догадаешься. Гулькино! А почему – никто не знает. Бабуля на поправку идёт. Скоро бегать будет. Давай, летом со мной в деревню!

– Если ты со мной на Вэйл съездишь! – Стив хитро улыбнулся.

– Ну, какой из меня горнолыжник? Я в первый же день себе всё переломаю. – Возразил я с энтузиазмом. Это была правда: одна мысль о полёте с горы рождала внутри меня холод. К тому же, любимый горнолыжный курорт моего друга был нашей семье не по карману.

– Такой же, как из меня рыбак. – Зевая, продолжил Стив.

– Да я себя там не рыбаком, а рыбой чувствую. – Не сдавался я. – Плаваю часами то брасом, то на лодке. Там река – чудо! Таких и в заповедниках не бывает.

– Не знаю, Ром. – Вяло продолжал Стив. – Я дитя цивилизации, её плоть и кровь. Мне рыбой уже себя не почувствовать, я машина на гоночном треке. Подумаю.

Я кивнул. – Подумай! Уверяю, тебе понравится!

Мы поболтали ещё немного о новом преподавателе по биологии, о грядущих экзаменах, о спортивных диетах и гейнерах. Я показал свою новую двухпудовую гирию.

– Всё, пора домой. – Объявил Стив, перекидывая из руки в руку мой спортивный снаряд и дыша, как паровоз. У меня сегодня по плану три раздела по социологии прочесть. Если снова встретишь девушку, передавай ей от меня привет.

После его ухода я наконец перемыл всю посуду, принял душ и улёгся в постель с учебником химии. В течение примерно получаса я делал отчаянные попытки сосредоточиться, однако, всё в моей голове кружилось вокруг оси, прокручивая ещё и ещё раз мою встречу с Ней. Я захлопнул книгу,

выключил свет и стал планировать завтрашний день.

– Подъём в семь, два часа лекции, три лаборатории. Значит, около четырёх будем дома. Меню на обед: грибной суп, овощное рагу. Меню на ужин требует уточнения. – Объявил Лоб.

– Во сколько мы встретили девушку? – Поинтересовался Грыз и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Около пяти. Надо бы успеть. Кое-кто должен извиниться.

– Чтобы совершить ещё одну ошибку?

– Чтобы не быть трусом! – Цапнул Лба Грыз, но тот был крепким орехом и с невозмутимым видом продолжил.

– Способность видеть реальность – храбрость, а не трусость. Лучше Анна в руке, чем прекрасная незнакомка в небе!

– Лучше не лгать себе! – Огрызнулсямышь. Его острая мордочка ещё более заострилась.

– А почему нет? Можно прогуляться. – Согласился я, чувствуя, как разлад, мучавший меня весь день начинает выправляться. – Да-да. Завтра в пять. Завтра в пять. – Повторял я, погружаясь в сон, но вдруг в открытое окно ворвался резкий ветер, раздувая занавески, как паруса. Всплыв на поверхность, я встал, закрыл окно и залез обратно в кровать. Покрутившись минут десять и ругая себя за съеденный бургер, я, наконец, дёрнул правой ногой, переходя от бодрствования ко сну, однако, рубеж и в этот раз не был преодолён. Негромкий, но тем не менее достаточно отчётливый стук в

окно отбросил меня обратно в тёмную прохладу спальни. Цепляясь за остатки дремотного тумана в моей голове, я попытался вернуться в него. Однако, звук повторялся, и скоро возвращаться стало не во что. Чертыхаясь, я присел на кровати, посмотрел на окно и то же мгновение понял, что ничего стучатся не может. Это был третий этаж, а напротив не было ни одного дерева. Сквозь прозрачный тюль занавески просвечивалась чернота ночного неба. Я снова вспомнил съеденный бургер.

– Болван. – Сказал я себе вслух. – Вот сиди теперь и слушай, как ветер стучит, или птица, или... – Повторившийся стук прервал моё обращение к себе самому. Гремучая смесь из негодования и любопытства взорвалась во мне и толкнула к окну. В порыве вывести кого-то на чистую воду я отдёргнул занавеску с такой силой, что ей удалось сохранить связь лишь с одним из многочисленных колец на перекладине у потолка. Этот факт ничуть не расстроил меня, напротив, я почувствовал зудящее желание ещё что-нибудь порвать или разбить. Глаза мои обшаривали пространство за окном, как хищник в поисках добычи. Они пошныряли по подоконнику, по периметру оконной рамы, затем спрыгнули на дорожку для пешеходов, пробежались по ней неровной поступью, рывками то вправо, то влево, вскарабкались по фонарному столбу, оттолкнувшись от него, прыгнули в небо и угодили прямо в луну. Она была такая огромная и яркая, что я замер в восхищении. С минуту, а, быть может, больше мы смотре-

ли друг на друга, и в течение всего этого времени не прозвучал ни один звук, ни близкий, ни далёкий. Не знаю, сколько бы ещё я бы мог так стоять, если бы не холодный ветер, пробивающийся сквозь щели оконной рамы. Я продрог, потому решил вернуться в кровать. Укрывшись одеялом с головой и закрыв глаза, я ещё долго продолжал видеть огромный ослепительный лунный шар.

Глава 3

Утром меня разбудил вопль будильника. Открыл глаза и в первое мгновение осознал, что спал без сновидений. Это огорчило, однако, уже во второе мгновение был вторично огорчён увиденным: окно с оборванной занавеской смотрело на меня с укором.

– Прости, друг. – Пробурчал я и вскочил с кровати. Наспех собравшись, схватил со стола банан, сорвал с него кожуру и, откусив больше половины, помчался к выходу, как вдруг испытал странное, не знакомое до сих пор чувство. Мне захотелось сиюминутно, во что бы то ни стало, посмотреть на себя в зеркало. Я не только не удивился этому позыву, не только не стал спорить с ним, а, напротив, воспринял его, как нечто очень важное и даже обрадовался тому, что вспомнил. Через пару секунд я уже стоял в спальне родителей перед трюмо и придирчиво разглядывал себя. Джинсы и спортивная майка меня удовлетворили, но всё остальное навеяло мрачные мысли. Русые волосы, свивающиеся в беспо-

рядочные кольца, показались не серьёзными; нос – не совсем прям; подбородок недостаточно мужественен. Я слегка сдвинул брови, повернулся правым боком, затем левым и, наконец, скорчил себе «рожу» с мыслью о том, что не имею никаких шансов Ей понравится. Красный от стыда и раздражения на себя самого я вылетел из дома и полетел в направлении автобусной остановки, загадав на ходу: если успею, значит, встреча в парке состоится. Автобус был настигнут мной за секунду до его отправления.

Минут через сорок я уже сидел за столом в лекционном зале и спал, подперев левой рукой голову чуть выше бровей так, как это делали мыслители всех времён и народов, подложив под локоть стирательную резинку. Сон мой был чуткий и настороженный. Настороженность выливалась в одну единственную установку: не допустить падение головы. В этот день она была как-то особенно тяжела, но я справлялся. Мне снилась огромная луна. У неё были зелёные глаза и длинные волосы. Она смотрела в моё окно и постукивала по стеклу тонкими бледными пальчиками. Стук был негромким и совсем не мешал спать, напротив, даже убаюкивал.

– Ах, вот, оказывается, кто стучал. – Думал я. – Пусть. Ей, видно, скучно.

Постепенно звук становился всё громче и громче. В моё благодушное настроение стало просачиваться раздражение. Наконец, луна в моём сне ударила так громко, что я вздрогнул и открыл глаза. Надо мной возвышался Стив.

– Ну, ты и спишь. – Прошипел он. – Долблю по твоему столу линейкой уже минуты три. Хорошо, что я, а не господин Люк.

Услышав имя профессора химии, я окончательно проснулся и огляделся вокруг. Аудитория была уже почти пустой. Неподалёку, ряда через три-четыре сидела Анна и пялилась на меня. Взгляд её выражал насмешку. Я встал и, запихивая на ходу тетрадь и ручку в рюкзак, направился к выходу.

– Даже «спасибо» не сказал. – Раздалось позади ворчание Стива.

– Почти не спал сегодня. Отравился твоим бургером. – Ответил я ему, не оборачиваясь.

– Не сочиняй. Я такой же съел и спал, как убитый. – Опять проворчал сзади. – О, какие люди! Привет!

По сладкому знакомому запаху духов, от которого зачесался мой нос, я понял, что к нам присоединилась Анна.

– Ты, Стив, такой заботливый, прямо, как мать родная! – Промурлыкала она. – Нет, чтобы самому вздремнуть, а ты глаз не смыкаешь, чтобы дитя своё вовремя разбудить. Доброе утро, Чудик! – Крикнула она мне в ухо, поравнявшись со мной. – В следующий раз садись со мной. Я тебе колыбельную спою! – Она хихикнула и побежала вперёд, покачивая всем, что висело ниже талии.

– Язва. – Сказал я Стиву, занявшему её место.

– Красивые женщины все язвы. – Подтвердил он, зевая. –

Вон как на зачёт спешит, как на праздник! А я лишь один раздел одолел. Такая галиматья мне не под силу. Социологом я быть не собираюсь, в общественной жизни принимать участие не планирую. Вся эта демократия, общественное управление – вздор и не имеет отношение к действительности. За рулём любой общественной машины во все времена стояли деньги. Я не люблю, когда мне лгут, потому я читал новости науки. Море интересного! Потом расскажу.

– Читая одну биологию, диплом не получишь. Если бы ты был Дарвин или Павлов, возможно, тебе бы простили неуд по социологии, но ты Брэнсон.

Стив усмехнулся. – Дарвин и Павлов, Мендель и Кох, Пастер, Мечников, не буду перечислять всех, ты и сам их знаешь. Они уникальны: и лица их, и дела. Большинство же лидеров избирательных кампаний на одно лицо, на один прикид: глаза праведника, речи благодетеля.

– Всё зависит от угла зрения. – Попытался возразить я.

Стив недипломатично хихикнул. – Сколько бы не было углов зрения на политические кланы и династии, хорошо освещённым оказывается лишь один. В остальных углах кто-то постоянно разбивает фонари и надувает очередной большой мыльный пузырь для желающих в нём попутешествовать. Я не хочу быть в их числе.

– Вот сдашь социологию на отлично и станешь этак лет через пять-десять Дарвином в политике. – Продолжил с энтузиазмом я.

Брови Стива взметнулись вверх, словно пучки сухой травы от порыва ветра. – Для чего?

– Для того, чтобы изменить мир к лучшему.

– Да не будь же так наивен, Ром! Наш мир напоминает мне понтовую вечеринку, где за праздничным столом принято говорить высокопарные банальности о всеобщем благе, однако большинство выступающих прекрасно осознают, что это всего лишь игра. Ты из меньшинства, Ром, из тех, кто этого пока не понял. Так вот, я, пожалуй, смог бы стать победителем в этой игре, но я не хочу обманывать таких, как ты.

Не найдя новых аргументов, я решил прекратить дискуссию. – Спасибо за великодушие, однако, мы отклонились от главной темы. Учить придётся. На лаборатории я всё сделаю сам, и протокол за тебя напишу, а ты успеешь подготовиться.

– Ладно. – Пробубнил Стив. – Попробую.

В лабораторную аудиторию общей химии мы вошли за несколько минут до начала занятия и едва успели подготовиться, как вошёл профессор. Он растянул губы в дежурной улыбке, оглядел присутствующих и озвучил своё традиционное приветствие.

– Ну, что, разумные, не ударим в грязь лицом!

Говорил профессор эту фразу, как правило, так, что было ясно, что он ни на минуту не сомневается в том, что данная задача будет нам не под силу.

Затем, оттолкнувшись от слов великого Пастера «Будем собирать факты, чтобы появились идеи!», он заговорил о су-

ти предстоящей лабораторной работы и о радостях грядущих встреч со щелочами и кислотами. Профессор так эмоционально излагал материал, как будто читал поэму.

Впереди справа от нас раздались шёпот и хихиканье. Стив нахмурился и пробурчал. – Вот чертовка, опять с Бобом кокетничает.

Я сразу понял, о ком идёт речь. Это была Молли, подружка Стива. Я никогда не мог понять, что он в ней нашёл. Вероятно, это «что-то» было спрятано очень глубоко, где-то под слоями яркого грима, вычурной одежды и неизменной позой легкомысленной весёлости, которая, на мой взгляд, не могла не утомить. А быть может, она сама о себе что-то надумала и верила, что не может быть другой.

– А ты пококетничай с Зосей. – Решил пошутить я и кивнул в сторону девушки за соседним столом, отличницы с лицом Джоконды. Её улыбка всегда вызывала у меня желание посмотреть на себя в зеркало, проверить на предмет «белой спины» или чего ни будь в этом духе.

Зося, вероятно услышав наш разговор, обернулась и загадочно-иронично посмотрела сначала на меня, затем на Стива.

– Нет. – Процедил он сквозь зубы и положил руку на моё плечо. – Я лучше пококетничаю с тобой, Рома.

– Ты, Чудик, со своей внешностью Адониса легко составишь конкуренцию любой красотке. – Прошипела Зося и вернулась в прежнее положение «носом к профессору».

Настроение моё, казалось, непоправимо испорченным. Она наступила на мою больную мозоль. Я давно мечтал спрятать моё немужественное лицо под усами и бородой, но они пока только намечались.

Стив выдернул из тетради лист, торопливо написал на нём что-то, скомкал, превратив в шарик, и бросил его вперёд. Послание шлёпнулось на стол перед Джокондой-Зосей, издав возмутительно громкий звук. Многие из сидящих в зале обернулись.

Профессор замолчал и обратил строгий взгляд в нашу сторону. Пауза показалась мне тяжким испытанием.

– Молодые люди, если вам не интересно, вы можете быть свободны. – Наконец, объявил он.

Мы со Стивом стыдливо опустили глаза.

Последующие два часа лаборатории прошли в рабочей атмосфере: и Молли, и Зося, и весь мир вокруг словно перестали для нас существовать. Вооружившись колбами, пробирками, бюретками, пипетками, я наполнял, перемешивал, титровал, калибровал, измерял, определял погрешность, обрабатывал результаты, а Стив с трагическим выражением лица готовился к зачёту. Наконец, когда мной была взята последняя высота, я с облегчением вздохнул и, кивнув головой в сторону конспектов по социологии, спросил. – Готов?

Стив пожал плечами. – Я старался. До сих пор мне везло. Да и общий, так сказать, кругозор выручал. Ещё я умею при-

крывать пробоины в моих знаниях словесной шелухой. Он заглянул в тетрадь, где я за него запротоколировал все лабораторные подвиги и остался доволен. – Шедевр! А теперь – в кафе. Я угощаю!

– Нет уж, хватит. Сыт я твоими угощениями. – Не согласился я. – У меня всё с собой. А что за послание ты Зосе голубиной почтой отправил?

Стив хитро улыбнулся. – Какой ты любопытный! Свидание назначил.

Я посмотрел на него с недоверием. Зося была не в его вкусе. Я знал, какие девушки ему нравятся.

– Что ты на меня так смотришь? Да! Пригласил.

– Зачем? – Недоумевал я.

Стив вздохнул, словно жалея то ли о содеянном им, то ли о том, что рассказал мне об этом, и заговорил. – Во-первых, хочу Молли проучить, чтоб знала, кто в доме хозяин. Во-вторых, Зоська в меня влюблена. Это я точно знаю. Сделаю ей приятно. В-третьих, ты мне сам посоветовал.

– Это шутка была. – Начал было я, но Стив меня перебил. – Поздно. Что сделано, то сделано. Свою её в кафе, а там посмотрим, куда кривая выведет! – Стив похлопал себя по животу. – Кричит. Пищи требует. Пойдём и мы, подзаправимся!

Последующие два с половиной часа были ничем не примечательны. Мы перекусили в кафе, сдали зачёт и расстались

в два часа пятнадцать минут. Мой друг отправился в библиотеку, я поспешил на автобусную остановку и вскоре, покачиваясь на волнах городского шоссе, крепко спал и всё же не терял связи с внешним миром. Во сне моём стал накрапывать дождь и сквозь прозрачную голубую дымку я опять увидел Её. Она шла по дорожке парка, отведя правую руку в сторону. Дождь застучал чаще и громче. Листья деревьев, тропинки, дороги, крыши домов зазвучали в едином ритме. Девушка остановилась и, запрокинув голову назад, стала ловить дождевые капли губами. Пальцы дождя заскользили по её телу. Она замерла, напряглась, как натянутая струна, и вдруг, поднявшись на носочки, запела изгибами и движениями тела, ставшего невесомым. Но тут, словно кто-то толкнул меня изнутри. Уверенный, что пропустил остановку, я встал и направился к выходу, всматриваясь в сюжеты, мелькающие за окном. Они успокоили меня: паника была напрасной. Моя «Пятая» – через две. Я повис на руке, держащейся за поручень, и закрыл глаза, пытаюсь восстановить в памяти увиденное во сне минуту назад, и вдруг осознал, что вчера я встретил в парке девушку, которая не раз снилась мне.

Глава 4

Без пятнадцати минут четыре я уже был в парке.

А между тем уходило лето, без слёз, с улыбкой глядя на мир в объятьях осени. День был так хорош, что казалось, жизнь не засыпает, не увядает, а начинается снова, с иной

страницы. Небо, и каждое дерево, и каждый лист глядели на меня, словно зная что-то, чего я пока не знал.

И тут я увидел Её, впереди, в метрах десяти от меня. Девушка медленно удалялась, и на мгновение мне показалось, что она не идёт, а летит по воздуху, так воздушна, легка и зыбка была её фигура. Я ускорил шаг, но, оказавшись в метрах пяти до цели, снова сбавил скорость, вдруг осознав, что не имею понятия, что буду делать, о чём говорить. Пытался отыскать в своей голове хоть какие-нибудь удобные слова и не находил. Не знаю, сколько времени я шёл таким образом за ней, не смея приблизиться, но вдруг, неожиданно для меня девушка остановилась и обернулась. Меня поразила бледность её лица, блуждающий взгляд из полуприкрытых глаз. Ветер играл золотистыми прядями её волос, бросая их то на лоб, то на шею, обвивая и щекоча, но она будто не замечала этого. Сердце моё часто забилося, во рту пересохло, в голове завис вакуум.

– Глупая затея. – Сказал Лоб.

– Не дрейфь. – Подбодрил Грыз.

Решив, что что хоть и затея глупая, но дрейфить не стоит, я улыбнулся и услышал словно сквозь вязкий туман свой голос.

– Здравствуй. Мы опять встретились. Ты помнишь меня?

Она никак не отреагировала. Губы её были плотно сомкнуты. В глазах не отразилось даже намёка на то, что она узнала меня, они были пусты.

Я продолжил. – Прости, если чем-то обидел тебя.

Не найдя ни единого признака внимания или интереса, я уж было подумал, что она слепа, и тут девушка сделала уже знакомое мне движение: слегка подалась вперёд и замерла, будто расправляя невидимые крылья.

– Только не уходи! – Воскликнул я так горячо, что тут же смутился собственной неожиданной пылкости, а девушка вздрогнула. Лицо её выразило изумление. Несколько секунд она смотрела на меня пристально, словно я был задачей, которую ей предстояло решить. Наконец, губы приоткрылись, и она тихо произнесла всего одно слово лёгким чистым голосом.

– Странно.

– Да, я выгляжу идиотом. – Сказал я себе мысленно и уже собирался уйти, но девушка опередила меня.

– Странно. – Повторила она, словно размышляя о чём-то, затем, вероятно приняв решение, продолжила. – Пони-маешь, я давно не видела себя в зеркале. Опиши меня.

– Что? – Переспросил я, пытаюсь понять услышанное.

– Расскажи, какая я. – Пояснила девушка.

Смущение моё достигло предела. Мне показалось, что я забыл все прилагательные родного языка.

– Привлекательная. – Подсказал Лоб.

– Нет! Восхитительная! – Поправил его Грыз.

– Красивая. – Сказал я.

– Подробнее. – Попросила девушка. – Представь, что ты

рисуешь картину, мой портрет. Что бы ты изобразил?

Понимая, что обратной дороги нет, я начал, скользя неуверенным взглядом сверху вниз. – Светлые длинные волосы, зелёные глаза, правильные черты лица. – Я замолчал, думая, как описать всё, что ниже.

На лице девушки мелькнула улыбка. Она опустила голову, как будто услышанное было для неё неожиданной новостью, которую необходимо было обдумать.

Через минуты две, она, вероятно вспомнив обо мне, снова подняла глаза и, протянув бледную изящную руку, коснулась моего плеча. Я вздрогнул от неожиданности. Увидев это, незнакомка вздрогнула тоже. Брови её взметнулись кверху, и тихо спросила.

– Ты чувствуешь меня? – В глазах её я заметил страх.

Мне тоже стало как-то не по себе.

– Что бы это могло значить? – Спросил я себя мысленно без всякой надежды получить ответ. Это было моё первое знакомство на улице. Да и не на улице я никогда до сего дня не проявлял столько энтузиазма, как теперь, но я всё-таки сделал ещё одно признание. – Чувствую. И мне это даже приятно.

В глазах девушки вновь появился испуг. Она резко отвернулась и зашагала прочь.

На мгновение я замешкался, но лишь на мгновение. Вспомнив, что ещё несколько секунд назад её рука касалась моего плеча, я, окрылённый и осмелевший бросился за ней

и, догнав, последовал рядом.

Девушка шла всё также живописно и стремительно, но совсем не смотрела под ноги. Она, как мне казалось, совсем никуда не смотрела и была погружена в собственные мысли. На исчерченной трещинами дороге это было не безопасно, потому я следил за каждым её шагом, подмечал все неровности пути, готовый протянуть руку помощи, однако почему-то всё время спотыкался сам.

– Что ты хочешь? – Спросила девушка, не глядя на меня.

– Ничего. Просто встретил тебя здесь второй раз... – Начал было я, но она перебила.

– Нет. Этого не может быть.

– Почему? – Спросил я.

– Потому что не может. – Ответила девушка и огляделась по сторонам.

Я попытался улыбнуться, давая понять, что я оценил её шутку. Метрах в десяти, в направлении к нам двигалась крупная дама в шортах и толстовке. Рядом с ней на поводке трусила такса. Когда расстояние между нами сократилось до двух-трёх метров, девушка улыбнулась и, обращаясь к даме, громко произнесла. – Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, который час.

К моему великому удивлению, хозяйка таксы даже не взглянула на неё. Её внимание было сосредоточено на мне. Я растянул губы в улыбке и поздоровался, но дама лишь сверкнула на меня чёрными бусинами глаз и ускорила шаг. В

этот момент такса жалобно заскулила и, отпрыгнув на край дорожки, натянула поводок. Дама решительным движением крепкой полной руки вернула её на место. Они миновали нас, однако, скулёж таксы перешёл в визгливый лай. Я обернулся и, словно о крапиву, обжёгся о недоверчиво-настороженный взгляд дамы.

Догадки, одна другой экстравагантнее, закружились в моей голове.

– Проверь молнию на джинсах. – Подсказал Лоб.

Я проверил. Застёгнута.

– Может, птичка? – Подкинул он ещё одну идею.

– Ты ещё зеркальце у девушки попроси! – Укусил Грыз. –

Даже если птичка! Разве это стыдно? Пусть будет стыдно тому, кто... – Мышь задумался на секунду, а потом сформулировал. – Пусть птичке будет стыдно!

Я почувствовал себя бодрее и сделал ещё одну попытку завязать разговор.

– Чудесный день сегодня! – Начал я с оптимизмом, но без малейшего представления, что скажу дальше.

На лице девушки появилось выражение досады. Она опять огляделась по сторонам, затем повернулась ко мне и с мольбой в голосе произнесла. – Пожалуйста, говори тише, а лучше совсем не говори. Здесь так много людей.

Поставленная задача показалась мне трудно выполнимой. Я задумался, и тут мне пришла идея.

– Мы можем свернуть направо. Там, в глубине тисовой

аллеи, как правило, почти безлюдно. – Произнёс я почти шёпотом.

Девушка не ответила, но свернула направо, и мне показалось, что у меня появился шанс. Я начал мучительный поиск темы разговора и, когда в обозримом пространстве вокруг нас не осталось ничего, кроме деревьев, кустарника и белок, я решил сделать ещё один пробный шаг.

– Я живу здесь уже пятнадцать лет и ни разу до вчерашнего дня не встречал тебя.

Девушка молчала.

– Хорошо. – Подумал я. – Дуэта не получится. Пусть будет соло.

Я попытался сосредоточиться, однако в голове крутились тысячи разных банальностей. Чувствуя, что начинаю тонуть в затянувшемся молчании, я схватился за соломинку и поплыл по течению сумбурных плохо управляемых мыслей.

– Расскажу о себе. Ну, чтобы объяснить, что я не хулиган, не псих и не что-нибудь в этом роде. Можно? – Предложил я, пытаясь заглянуть в её глаза и, не дожидаясь ответа, начал. – Живу на Пятой, в пяти минутах ходьбы от парка. Зовут Роман. Двадцать один год. Учусь в университете, на факультете молекулярной биологии. – Я задумался на мгновение и тут услышал голос Лба.

– В планах – диплом доктора клеточной биологии!

– Не скромно. – Пискнул Грыз.

Я почувствовал недовольство собой (слишком благопо-

лучно звучала моя биография) и решил дополнить автопортрет.

– Совсем забыл. – Продолжил я обличительным тоном. – Фамилия у меня крайне несерьёзная: Чудов и, сколько себя помню, все звали меня Чудо или Чудиком. Вероятно, я действительно был им. В детстве, к примеру, мечтал стать волшебником, чтобы уметь превращаться в зверей, птиц, насекомых, дабы бегать с ними по лесам, летать среди облаков, ползать в траве. Мне казалось это намного интереснее, чем ходить в детский сад, мыть лицо и руки, чистить зубы, и совершать прочие человеческие обязанности. Вероятно, сказались гены. Мой отец – учитель биологии в средней школе. В нашей квартире всегда обитала разная живность: черепахи, хомячки, птицы. Это были гости из школьного зоологического кабинета: отец приносил тех питомцев, которые требовали особого ухода: были больны, ослаблены, плохо адаптировались к новым условиям. Я тоже таскал всякую живность с улицы: жуков, гусениц, ящериц домой, в детский сад, а затем в школу. Последнее особенно тревожило моих родителей, так как я часто получал неодобрение по поведению, а они – не радостные встречи с моими наставниками. – Я сделал паузу в надежде услышать хоть какую-нибудь реплику и, не дождавшись, продолжил. – Моё легкомыслие этим не ограничивалось. К примеру, если в майский день на уроке рисования все рисовали весну, я живописал зиму, потому что летом мне обычно хотелось покататься на коньках, поиграть

в снежки. Когда все в школьном хоре пели песню про алфавит, я пел про доктора Фостера, потому что алфавит давно выучил, и мне было скучно его повторять.

В этот момент моей исповеди я почувствовал, что список совершённых мной преступлений, во всяком случае тех, которыми можно было поделиться с девушкой, исчерпан. Я выдохся. К счастью для меня мы подошли к небольшому, похожему на блюдце озеру в центре парка. Оно было полно опавшей листвы и таких же пёстрых, как листья, диких уток. Воды почти не было видно. Девушка подошла к краю берега, присела и, наклонившись, протянула руку к воде. Птицы, до этого момента, спешащие куда-то по своим, птичьим делам, вдруг дружно передумали и, развернувшись, поспешили по направлению к ней. Через несколько секунд с десятков их уже безмолвно и неподвижно стояли полукругом рядом с её рукой, словно ожидая чего-то. Я сделал то же: присел у края озера и коснулся рукой воды, однако птицы даже не пошевелились.

– Ты понравилась им больше. – С удивлением отметил я.

– Дело не в этом. – Ответила девушка. – Просто я теперь понятнее им, ближе.

– Как это тебе удалось? – Спросил я, ожидая услышать о каком-то особом опыте общения с птицами, однако она встала и, как мне показалось, избегая моего взгляда, тихо произнесла. – Это трудно будет объяснить.

Я заметил, что утки вновь пришли в движение, словно

вспомнив о своих делах, а девушка подошла к мощному пню, превращённому каким-то деревянных дел мастером в скамью при помощи нескольких реек и гвоздей. Я помнил, что в том месте росло старое раскидистое дерево, но несколько месяцев назад его спилили. То, что от него осталось, напоминало обрубок, а срез казался раной. Впечатление было тяжёлым, но девушка словно не замечала этого. Она протянула руку к чему-то над пнём, погладила, словно невидимый ствол, и вдруг, будто вспомнив обо мне, обернулась. Наши взгляды встретились, и я почувствовал, что она смутилась.

– Я знаю, что дерево мертво, однако, вижу его. Тебе кажется это странным?

– Мне кажется это необычным. – Признался я. – Однако, как известно, человеческие органы чувств имеют ограниченные возможности и потому способны воспринимать лишь небольшую часть информации из окружающего мира. Это правило, но бывают исключения из правил.

– Небольшую часть информации. – Повторила она. – Верно. Невидимое человеком – океан, видимое – призрачный корабль в нём.

Девушка вновь погладила фантомный ствол, а мне в этот момент почему-то вспомнилась берёза под окном моей спальни, сломанная автоподъёмником во время ремонта фасада здания, и стук в окно вчерашней ночью. Я скучал по этому дереву. Оно рано распускало листья весной, летом шелестело мне, нашёптывая что-то и днями, и ночами, а осенью

светило в окно вместо солнца. По ночам на нём собирались коты и пели песни в любое время года.

Несколько минут мы молчали. Я уже не искал темы для разговора. Мир вокруг был так естественен, что не хотелось ничего придумывать. Девушка глядела на поверхность воды, пёструю от плывущих островков из уток и листьев. Наконец, неожиданно заговорила.

– У нас с тобой много общего. Ты приносил жуков и гусениц домой. Я тоже любила за ними наблюдать, глядела и чувствовала, как они и всё, что возилось, шуршало, ворочалось в траве, смотрело на меня одним большим глазом. Мне казалось, мы понимаем друг друга. Они рассказывали о солнце, дожде, о том, что рады мне, а я о новых куклах, что подарили мне родители, о мультфильмах, которые смотрела, о взрослых, что каждый день заняты и придумали мультфильмы и игрушки, потому что им всё время не до детей.

Ещё я, как и ты, редко радовала учителя рисования. Однажды он дал задание нарисовать осень, я нарисовала большой глаз, а в его зрачке жёлтые и бордовые листья. Учитель не понял моего рисунка. Я сказала, что вижу этот глаз во всём, что он смотрит и всё запоминает. Дети рассмеялись, а учитель ответил, что лучше изображать реальность. Она красивее и понятнее. Мне объяснили, что в моём возрасте пора уметь отличать сказку от были. Мне было тогда одиннадцать лет. Вероятно, учитель был прав. После этого случая я получила от сверстников кличку «Глазунья», а мои роди-

тели – совет от педагогов: помочь мне видеть реальный, а не придуманный мир.

– Им это удалось? – Осторожно спросил я.

Девушка обернулась ко мне и улыбнулась, как старому знакомому, от чего голова моя закружилась. – Они очень старались. – Сказала она. – Мой список обязательных для прочтения книг по школьной программе пополнился книгами о разумном взгляде на мир, о здоровом отношении к себе и окружающим.

– Мне бы этот преysкурант был бы не по силам. – Признался я. – А что было дальше?

Девушка посмотрела на меня пристальным взглядом, словно пытаюсь понять, причину моего любопытства. Я уже пожалел о своём вопросе, но она продолжила. – Мне тоже не удалось осилить эти книги, хотя мои рисунки стали радовать и учителя, и родителей. Всё в них было в рамках разумного. Однако, по вечерам, когда мама, пожелав мне спокойной ночи, выключала в моей комнате свет и закрывала дверь, я бежала в ночной рубашке к окну, садилась на подоконник и глядела на небо, уверенная в том, что в узоре, сложенном из звёзд есть некий секрет, послание для меня. Ещё я думала о том, что деревья, цветы непременно гуляют по ночам, здороваются, делятся новостями, как старые знакомые, и даже танцуют, потому что всё время стоять на месте очень скучно. Однажды мне захотелось к ним присоединиться. Так я начала танцевать: каждый вечер, в тёмной спальне. Но как-то ма-

ма заглянула ко мне и была очень удивлена увиденным. Мне пришлось ей рассказать и о секретах на небе, и о танцующих деревьях. На следующий день был визит к доктору, долгие скучные беседы, обследования, горькие пилюли. Однако, я продолжала танцевать вечерами, и мама, по совету врача отдала меня в балетную школу. – Девушка замолчала, глядя куда-то вдаль, словно видела то, о чём только что говорила.

– Ходить строем «в ногу» дано только людям. – С досадой произнёс я. – Даже пингвины более раскованный народ. – Я сделал паузу и, наконец, решился на отважный шаг: спросил то, что хотел узнать, как только встретил эту девушку. – Как тебя зовут?

Она ответила не сразу. Взгляд её вновь стал задумчивым и отрешённым, и наконец, произнесла, словно не хотя. – Даша.

– Даша? – Переспросил я. – Мне вдруг вспомнился рассказ Стива о девушке в ночном клубе, которой он отдал таблетки. Однако, отогнав неприятные мысли, подумал о том, что девушек с таким именем может быть много. Мне показалось, что с этой минуты мы стали ближе. – Я уже было открыл рот, чтобы сказать, какое у неё чудесное и редкое имя, как услышал.

– Мне пора уходить.

– Ну, почему? – Воскликнул я в недоумении. – Ты спешишь?

– Да. – Не глядя на меня ответила она.

– Приходи завтра. Я буду ждать.

Даша отрицательно покачала головой.

– Приходи! – Повторил я, не в силах поверить тому, что могу больше не увидеть её.

– Хорошо, если ты сейчас пойдёшь домой и ни разу не обернёшься. – Ответила она.

Взгляды наши встретились. Изумрудная, неторопливая, осторожная волна покоя вошла в моё сердце. Я вдруг почувствовал сильную усталость и услышал, словно из далека.

– Завтра в семь вечера.

Я было хотел что-то сказать, но не смог. Язык, словно застыл, а в голове моей воцарилась тишина. Не помню, как я дошёл до дома. Помню лишь, что у меня не было сил ни думать о чём-либо, ни тем более делать. Не раздеваясь, я лёг на диван в гостиной, а мир закачался, как лодка на качелях океанских волн.

Глава 5

Где-то вдали звучала музыка, словно крутил шарманку продавец мороженого. Я открыл глаза. Взгляд мой упёрся в репродукцию картины Шишкина «Сосновый бор», и я понял, что дома, лежу на диване в гостиной в той одежде, в которую поместил себя утром, собираясь в институт и, что в кармане моих брюк кричит сигнал будильника на телефоне.

«Даша!» – Вспыхнуло в моём сознании, и в это мгновение я всё вспомнил.

– Кто-то вчера потерял голову. – Нравоучительным тоном

сказал Лоб.

– Не велика потеря. – Съязвил Грыз. Его мордочка расплылась в лукавой улыбке.

Я почувствовал, что мне как-то особенно хорошо сегодня и уже настроился предаться воспоминаниям, однако, случайно взглянув на настенные часы, в то же мгновение спрыгнул с кровати. Я должен был выйти из дому уже через двадцать минут! Стремительно собрался. Заварил чай в термос. Бросил его в рюкзак. Сделал несколько бутербродов. Отправил туда же. За ними – связку бананов. Выскочил на улицу. Потом бежал, обгоняя пешеходов, машины и даже ветер. Мне повезло: водитель моего автобуса оказался великодушным человеком: увидев меня, подождал. Качаясь на автобусных качелях, ел бутерброды и думал о Даше. Мысли о том, что она одинока, быть может, нуждается в деньгах, не давали покоя.

– Как это? – Пытался представить. – Если никто тебя не ждёт, или ты никого не ждёшь?

После второй лекции, на длинном перерыве, мы со Стивом, задавив голод (он – бургером и колой, я сэндвичем с сыром и чаем из термоса), растянулись на газонной траве. Я чувствовал необходимость поговорить с ним о Даше, но не знал, как это сделать. Рассказывать чужие секреты было не в моих правилах, потому начал из далека.

– Недавно вспоминал свои мечты в детстве. Я, представ-

ляешь, то волшебником себя видел, то муравьём, то зайцем. Забавно. А ты о чём мечтал?

Стив пожал плечами. – Не помню, может, космонавтом быть?

– А сейчас о чём мечтаешь? – Продолжил я, ожидая, что мой друг будет удивлён. Дело в том, что между нами было негласное соглашение, которое никто до сих пор не нарушал: не касаться ничего личного. Если кто-то из нас желал поделиться сокровенным, он делал это сам, по собственному желанию. Как я и предполагал, вопрос удивил Стива. Он приподнял голову и, глядя на меня сверху вниз ироничным взглядом произнёс.

– Что это тебя на лирическую чепуху потянуло?

– Не прикидывайся аскетом. Уверен, что мечтаешь. Колись. О чём? – Проявил я настойчивость.

Стив вернулся в прежнее положение и, помолчав с минуту, вялым голосом произнёс. – Социологию мечтаю не завалять.

– Уже слышал. Дальше. – Прервал я его.

– Тачку свою обновить, Мерс на Бугатти, да предки против. Оценки, видите ли, мои недостаточно хороши. Кстати, тебе не надоело ездить на автобусе? Давай, завтра заскочу утром.

– Что я девушка, чтобы за мной на другой конец города ехать? Дальше. – Опять перебил его я.

– Гордый ты очень, Ром. А жить надо так, как удобнее. Ну,

и что ты заладил? Ещё, да ещё! – Стив вновь приподнялся, опершись на правый локоть, сорвал травинку и попытался пощекотать ей в моём носу.

Я отмахнулся. – Колись!

Мой друг пожал плечами и не хотя произнёс. – Ну, что ж, давай помечтаем. Степень доктора биохимии и молекулярной биологии получить хочу. Но это так, для разбега. Собственную лабораторию мечтаю иметь. Наука – вот во что нужно вкладывать силы и деньги! Google подкармливает квантовые исследования, я буду кормить биотехнологии. Папан мой обещает поддержку. Он понимает, в мире деловых людей всё поделено, но наука – золотое дно. С тобой, Ром, мы перекроим мир по новым облагороженным выкройкам и создадим умный крупный бизнес!

– Понятно. – Одобрил я. – А дальше?

Стив шумно вздохнул. – Час от часу не легче. Ты, случайно не переутомился? Буду деньги делать! А если повезёт, делать это, если не с интересом, то хотя бы без отвращения. Я надеюсь на интерес и долгожданную независимость от предков. Твои мечты я знаю, но, поверь, с твоей головой сидеть на преподавательской зарплате, пусть даже на профессорской, глупо.

Осознав, что беседа наша разворачивается не туда, я уже было решил начать разговор о Даше, но Стива, как говорить-ся, «понесло».

– Я мечтаю жить по-человечески: дом иметь собственный,

желательно побольше; тачку покруче; ну, шмотки, конечно, чтобы задницу было чем прикрыть, да не абы как, а по моде. Да, главное забыл: хлеб и зрелища, чтобы не заканчивались. Куда без них? – Стив замолчал, вопрошающе глядя на меня. – По-моему всё обозначил. Даже если что-то и забыл, то так, по мелочи. Доволен? – Тут он наклонился ко мне, пристально посмотрел в глаза и спустя секунды три продолжил. – Понял я, куда ты клонишь. Хочешь сказать мне, что голова моя забита всяким мусором, и возвышенное мне чуждо? Да, чуждо! В этом мире за всё надо платить, даже за возможность чувствовать себя человеком. Если завтра я переоденусь в Second Hand и пересяду на допотопный велик, половина из тех, кто сегодня считает меня своим парнем, перестанут замечать. Оставшаяся половина, сочувствуя, будет давать мне милостыню. И поверь, ни одна из приличных дам не захочет иметь от меня детей. Помнишь Великого Гэтсби из романа не менее великого Фицджеральда? Помнишь, как он метал перед своей возлюбленной сотни сорочек, дабы продемонстрировать свою значимость? А как она рыдала на этом кургане из трепья от восторга! А учёба в университете? Да подавляющее большинство попадающих в престижные ВУЗы – дети состоятельных родителей и лишь немногие, такие, как ты, «семь пядей во лбу». Подозреваю, что сейчас происходит в твоей затуманенной любовью голове, потому не буду воспринимать твои порывы всерьёз. Это пройдёт. Однажды ты вырвешь эту чепуху про любовь-морковь с корнем и пой-

мёшь, что гедонизм, воспевающий, удовольствие, как высшее благо и смысл жизни, есть двигатель всего в этом мире, а деньги – топливо для него. Это истина, мнение разумного большинства.

– Мнение большинства. – Повторил я, чувствуя, что, ничего не сказав о Даше, я уже говорю о ней. – Как ты думаешь, Стив, те, что в большинстве, более счастливы?

Ироничное выражение лица моего друга сменилось на озадаченное.

– Не знаю. – Неуверенно произнёс он. – Счастье, как мне думается, это предмет народного творчества, как вязание или вышивание. Тут, кто во что горазд. Вот, к примеру, моя матушка, сколько помню её, лечилась от депрессии. Что она только ни делала для обретения своего Рая: причёски меняла каждый день; гардероб – каждую неделю; психотерапевтов, астрологов, поваров – по мере разочарования в них. Сейчас она умножает своё благоденствие, глотая психостимуляторы и антидепрессанты. Мне жаль её, но именно эта непрекращающаяся борьба за счастье и есть её счастье. У отца – другой узор вышивки – лавры победителя: бизнес, женщины. Каждый из нас несёт своё счастье на своём горбу, этакий мешок, в котором чаще всего всякий хлам, который можно и взвесить, и оценить. Единственный член семьи, с которым я абсолютно согласен, это мой кот Сократ. Он гуляет сам по себе, понимая, что жить чувствами – самое дорогое из всех удовольствий. Я не собираюсь навязывать тебе эту жизнен-

ную философию, но уметь видеть реальность необходимо. – Он вновь обратил на меня испытующий взгляд. – У тебя проблемы?

Я молчал, соображая, с чего начать, и уж было открыл рот, как он продолжил.

– Девушка?

Я утвердительно кивнул.

– Ясно. Что ж ты всё вокруг, да около? – Лицо Стива стало серьёзным. – Сострадание мне не чуждо. Главное, не опоздать с помощью. Если я понадобится, говори. Цинизм – моё второе «Я», но не первое. Как её зовут?

– Даша. – Ответил я, почувствовав, как вдруг сильно и часто застучало сердце.

– Даша? – Повторил Стив. Лицо его выразило недоумение. – Опять Даша? – Он посмотрел на меня пристально, словно пытаюсь понять, шучу я или говорю правду. Вероятно, осознав, что мне не до шуток, он на несколько секунд задумался, а затем поднялся с земли и произнёс, не глядя на меня. – Забавное совпадение. Подъём! До лаба – пять минут. – Развернулся и зашагал, не оглядываясь, а я поспешил за ним, испытывая чувство вины за то, что, как мне казалось, залез со своими вопросами туда, куда, вероятно, мой друг и сам предпочитал не заглядывать.

Уже спустя несколько минут, облачившись в белые халаты, резиновые перчатки и защитные очки, мы изучали коло-

нии Стрептококка, выросшие в чашках Петри, на плотной агаровой среде.

– Потрясающе! – С жаром произнёс Стив. – Всё гениальное просто! Человек такое сложное, громоздкое сооружение, и при этом досадно несовершенное. Честное слово, обидно. Исчезни человечество, и все его братья скажут: «Туда ему и дорога», а без бактерий жизнь на Земле засохнет. Но они останутся, я уверен, и ещё долго будут разгребать оставленный нами хлам. – Лицо его выражало уверенность и энтузиазм, от неловкости, которую я заметил в нём несколько минут назад во время разговора на университетском газоне, не осталось и следа. И всё-таки что-то было не так, как всегда. Чувствовалось напряжение, которое мы оба пытались преодолеть.

– Слава Левенгуку, «прорубившего окно» в невидимый мир! – Охотно включился в разговор я. – Однако, большинство «крепостных стен» по-прежнему непроницаемы для человека.

– И останутся таковыми всегда. – Пробубнил Стив, деловито звеня пробирками и предметными стёклами.

– Жаль. – Я вздохнул. – Мы видим такую малость.

– Почти «пшик». – Вновь отозвался Стив. Тут его брови взметнулись кверху. – Кто знает, быть может сейчас, и за нами кто-то подглядывает? Что они, интересно, о нас думают?

– Ничего хорошего. – Ответил я. – Ну, чем, к примеру, мы с тобой могли бы гордиться? Тем, что мы не выходим за

границ общепринятого? Или более высоким IQ, что, возможно, позволит взобраться повыше по социальной лестнице? Ну, и что? Это актуально только в этом мире, да и то лишь в определённый отрезок времени. Общепринятое меняется, как стоптанные башмаки, а искусственный интеллект скоро выбросит на свалку многих из нас.

– Да, у каждого времени – свои миражи. Но как без них? – Стив пожал плечами и как-то не ловко улыбнулся, словно оправдываясь за что-то. – Человеку нужны путеводные звёзды. Потому они выпиливаются на заказ по мере необходимости. Ну, а теперь за работу!

Вскоре наша работа закипела, как электрический чайник: шумно и с жаром. Я покрасил золотистый стафилококк по Граму на двух предметных стёклах, Стив – туберкулёзную микобактерию по Цилю-Нильсону. Картины под микроскопом получились шедевральные.

– Класс! – Поставил оценки Стив. – Я бы назвал эти портреты «Кто в доме хозяин». С них всё началось, ими всё и закончится.

Ладно, давай удивим наблюдающего своим трудолюбием! Ты, Ром, скоренько нарисуешь этих старших братьев человечества в своём и моём протоколе, а я пока подготавлиюсь к великому переселению микробных народов с плотных питательных сред на жидкие.

– Лентяй ты. – Проворчал я, доставая из пенала цветные

карандаши.

– Нет! Я просто за эффективное разделение труда. Я этот портрет хозяев земли полдня рисовать буду и не нарисую, а тебе – раз плюнуть.

Мне нечего было возразить. Разделение труда между нами действительно до сих пор было эффективно. Мы всегда заканчивали лабораторные работы первыми. И в этот раз профессор остался доволен нами. Освободившись на полчаса раньше других, мы поздравили друг друга с очередной победой и расстались около четырёх. Теперь голова моя была занята лишь мыслями о предстоящей встрече с Дашей. Ни о чём другом я думать уже не мог.

Глава 6

Без пяти минут пять я уже стоял у кухонной плиты. В плане был суп, рецепт которого изобретал по ходу дела. Я задал червяка яблоком, потому творил без суеты и с воодушевлением, мечтая удивить как-нибудь Дашу своими кулинарными достижениями. Ещё думал, что, если бы не любовь к биологии, непременно стал бы шеф-поваром, так как открыл для себя, что приготовление пищи – невероятно интересный процесс, подобный научному эксперименту. Я уже не пользовался кулинарной книгой, просто размышлял, выстраивал гипотезы, рисковал, соединяя продукты в мои собственные рецепты, как соединяют определённые и неопре-

делённые величины в формулы. До сих пор были удачи и неудачи, но сегодня моя гипотеза выдержала проверку, и я с гордостью отметил, что сделанное мной открытие могло бы украсить меню лучшего из лучших ресторанов. Мой суп, сдобренный плавленым сыром и зеленью, был шедеврально хорош. Успех рождает другой успех. Сытый и окрылённый я в течение часа с небольшим выполнил программу максимум по заданию на завтра и без пятнадцати минут семь уже был в парке.

Тяжёлые облака ползли по небу, моросил дождь, и я был очень рад, что предусмотрительно захватил зонт. Синоптики в этот раз не соврали. Шлёпая по лужам, я озирался по сторонам, боясь пропустить Дашу. Парк был пуст. Уже зажглись уличные фонари, и в их слабом свете дождевая пыль казалась золотым песком, осыпающимся с неба. Даша появилась неожиданно, словно родилась из дождя и сумерек. Вышла из них, как русалка из озера, прямо мне навстречу. Водяные капли сверкали, стекая по её волосам, лицу, одежде. В глазах отражалось заходящее солнце, от чего они казались в этот раз золотисто-бордовыми, как осенняя листва. Она была ещё прекраснее, чем вчера. Потрясённый, я стоял не в силах пошевелиться, не зная, что говорить, что делать. Сердце моё билось порывистыми толчками. Даша подошла ко мне вплотную, и тут я, словно очнулся и укрыл её своим зонтиком.

– Здравствуй. – Сказал я, не узнавая собственный голос и стыдясь своего смущения.

– Здравствуй. – Ответила она и подставила ладони под дождь.

– У меня дома на плите – классный суп собственного приготовления! Приглашаю снять пробу! – Предложил я, глядя в её большие, блестящие глаза, в надежде увидеть интерес, но Даша не поддержала моё предложение.

– Я люблю гулять под дождём. – Сказала она и взяла меня за локоть руки, держащей зонт, Мы тихо зашагали по мокрой дорожке парка, казавшейся зеркальной.

Даша повернула голову, взгляды наши встретились.

– Тебе нравится готовить? – Спросила она.

Я решительно кивнул головой. – Теперь нравится. Родители уехали навестить бабушку. Потому за рулём кухонного корабля – я. В начале моё судно чуть не разбилось о рифы неудач, но мне удалось его спасти.

– А где живёт твоя бабушка? – Поинтересовалась Даша.

Я был рад этому вопросу и потому начал с величайшим энтузиазмом.

– Это маленькая деревня, удивительное место! Почти, как Затерянный Мир Артура Конан Дойля, обойдённый цивилизацией. Я бы не удивился, если однажды увидел там летающих ящеров или динозавров.

– Ей повезло. – Сказала Даша, наградив меня радостной улыбкой.

Испытав прилив ещё большего воодушевления, я продолжил. – Лишь отчасти. Проходя, цивилизация наступила на неё каблуком, потому уже много лет деревни этой нет ни на одной карте данного района. Думаю, что ни в одном плане, ни в одной смете ни одного государственного учреждения её тоже нет. Но она есть. Почти, как призрак. В ней, представляешь, есть школа, в которой уже многие годы учатся от десяти до пятнадцати учеников! Медицинский пункт есть, маленький универсам. Всё это выживает исключительно благодаря титаническим усилиям обитателей! Есть дома, построенные, как мне думается, ещё при царе Горохе, из камня и дерева, с чердаками и погребками, окружённые садами, огородами, наполненные нехитрой мебелью преимущественно ручной работы и всякими мелкими симпатичными вещичками! Однако, обитаемых домов значительно меньше, чем необитаемых. В бесхозных же – двери не замыкаются на ключ, ставни не заколачиваются, потому что никто на них не претендует.

– Они всё ещё ждут своих хозяев, смотрят на мир грустными глазами, как беспризорные собаки в надежде кому-нибудь приглянуться, и помахивают редкими прядями плюща, прикрывающего их выцветшие скособоченные спины. – Сказала Даша так, словно она сейчас, в эти минуты видела то, о чём говорила. – Мне хочется их приободрить. Я бы навещала их по очереди, садилась на крыльцо и говорила примерно так. – Хорошо тут у тебя: одуванчики, пчёлы, птицы. А небо

какое! Небо особенное. В городе такого не бывает. Оно рядом. Струится, как огромная река, от человека к человеку, к дереву, к птице, от меня к тебе. Потому, мне кажется, здесь не может быть одиноко.

В её глазах я снова увидел грусть и в тот же момент осторожно повернул «руль» разговора, решив ещё раз попытаться удачи. – И всё-таки, мне хотелось бы получить оценку своим кулинарным достижениям! – Сказал я, как бы между прочим, а затем добавил для убедительности. – Что может быть лучше горячих супа и чая с бубликами в осенний дождь?!

Однако, Даша промолчала.

Не теряя надежды, я продолжил.

– Самое важное в супе, как говорит моя мама, чтобы была хорошая кастрюля и отличное настроение!

– А что ещё говорит твоя мама? – Даша с интересом заглянула в мои глаза.

Я задумался, воодушевлённый её интересом, перебирая в памяти фрагменты моей болтовни с мамой, когда фразы, как мячики летали от меня к ней, от неё ко мне. Наконец, выбрав один из таких «мячей», процитировал. – Что следование рецептам это лишь первый этап в освоении кулинарного искусства. Последующие шаги не требуют никаких руководств, что она давно забыла все рецепты и помнит лишь один – вера в себя, в то, что всё получится. С её точки зрения, это главный рецепт успеха в любом творчестве, не только в сотворении супа, но и себя.

– В том числе и в сотворении себя. – Повторила Даша, сияя тихим тёплым взглядом. – Однако, люди часто боятся верить в себя и в итоге забывают, какие они есть на самом деле, созидавая чужое, подавляя себя в себе. Они продолжают верить, что существуют, однако, это похоже на фантомные ощущения, как в ампутированной конечности (руке или ноге). Тебе кажется, что ты есть, но тебя давно нет.

Я кивнул головой и сделал ещё одну попытку «сменить курс». – А ты любишь жаренный картофель? Представь: золотистые ломтики – горкой, с хрустящей корочкой и мягкие внутри! Я в этой области кулинарного искусства мастер высшей категории!

Даша повернулась ко мне. Взгляды наши встретились, и я увидел, что глаза её смеются. – Люблю! – Она тряхнула головой. – Особенно с луком, морковью и баклажанами!

– А если в центр сковороды пару яиц разбить? – Не унимался я.

– Люблю! – Она рассмеялась негромким, но порывистым смехом, словно что-то выплеснулось из её души через край, а затем продолжила, смеясь глазами. – Ещё люблю спаржевую фасоль, тушёную с грибами!

– С луком и чесночком! – Добавил я, греясь в лучах её вспыхнувшей радости.

Даша наградила меня ещё одной тёплой волной смеха, и ещё одним признанием. – И бамию с помидорами люблю, и тушёную тыкву с яблоками, орехами, изюмом!

– Во мне разгорается пожар голода! Хочу съесть всё перечисленное и немедленно! – Я с надеждой заглянул в глаза Даши, но она, словно прячась от моего взгляда, запрокинула голову назад, устремив лицо ввысь, и тихо спросила. – О чём ты думаешь, глядя в небо?

Я сделал то же, что и она и удивился, что не заметил, как ушёл вечер, как погас закат. Небо смотрело на меня мерцающими звёздами глаз. – Чувствую себя муравьём, глядящим на доступный ему крохотный кусочек мира с вершины своего муравейника. – Признался я.

– А я думаю, что небо знает больше о нас, чем мы сами знаем о себе. – Произнесла Даша. – Человек способен на большее, бесконечно большее, чем он может представить даже в самых смелых своих фантазиях.

– Возможно. – Согласился я. – Однако, эволюция развивает лишь то, что востребовано.

С минуту Даша молчала, вероятно обдумывая что-то, затем повернула ко мне лицо и, смущённо улыбнувшись, словно заранее извиняясь за то, что скажет позже, продолжила. – У человека достаточно сил, чтобы самому выбирать, какой дорогой идти, в каком направлении развивать свои способности. Каким бы ни был умным двигатель, если водитель слеп, его машина далеко не уедет. Мы только что смотрели с тобой на небо. Однако, люди редко делают это. Они слишком заняты, рациональны. Небо нельзя купить, положить в карман, украсить им интерьер своей квартиры, поставить в

гараж, его нельзя сделать своей собственностью, предметом гордости, самолюбования. Потому человек так мало думает о нём, так мало видит, слышит.

– И всё-таки, смотрящий под ноги в этом мире более защищён. – Осторожно возразил я.

– Всё зависит от того, с чем он сверяет свой маршрут. Если по спине впереди идущего, смотрящего под ноги, это опасно. – Сказала Даша. Чувство неловкости, смущения вновь отразилось на её лице.

– Даже, если впереди идущий – друг, человек, которому ты доверяешь? – Спросил я, испытывая ощущение, что она хочет мне сказать что-то большее, чем это может показаться на первый взгляд; что говорит она не о людях вообще, а обо мне.

Даша отвела глаза. Она вновь молчала, будто опять взвешивая какие-то свои «за» и «против», и наконец, решительно произнесла. – Да.

Я залюбовался ей, не только красотой, но также воодушевлением, с которым она говорила о том, во что верила.

– Ты рассуждаешь, как взрослый, очень мудрый, много видевший человек. – Сказал я, не скрывая ни удивления, ни восхищения.

– Я поняла это совсем недавно, совершив множество ошибок. Всё время до этого мне казалось, что кто-то другой знает, что для меня лучше, каким должен быть мир вокруг. – Ответила она.

Я накрыл ладонью её руку. Она была холодна и подрагивала. – Ты замёрзла? – Спросил и услышал в ответ то, что позже много раз вспоминал.

– Нет, мне тепло с тобой.

Мы остановились и долго стояли друг напротив друга, глядя в глаза. Никогда ранее я не испытывал такого чувства бесконечного счастья. Дождь закончился. Я сложил зонтик и обнял Дашу, затем бережно откинул прядь волос с её лба и прикоснулся к нему губами. Она отстранилась и увлекла меня вперёд. Мы пошли вдоль кленовой аллеи. Уже совсем стемнело. На небе сияла полная луна. Золотистый прозрачный свет лежал на кронах деревьев, дрожал в воздухе, мерцал в глазах самой прекрасной из девушек, идущей рядом со мной. Думая о том, как предложить ей свою помощь, я попросил.

– Расскажи мне ещё о себе. Всё, что можешь. Что ты ещё любила? Чем занималась.

– Что любила? – Переспросила она, задумчиво глядя перед собой. – Книги. Сначала – Андерсен, Киплинг, Льюис, затем Сэлинджер, Пол и многое другое. Ещё любила собирать осколки цветного стекла и складывать их в мозаики в саду у дома. Это было подобно волшебству: никому ненужное становилось нужным, обретало смысл, красоту. Ещё любила балет. Мечтала стать профессиональной балериной, но поступила на экономический факультет университета.

– Почему? – Удивился я.

– Потому что балериной можно быть лишь талантливой, а если не получается, то лучше не быть никакой. Профессия экономиста не требует таланта, а главное, обеспечивает высокую стабильную зарплату и возможность карьерного роста. Так однажды сказала моя мама. Она знала это по собственному опыту, поднявшись до вершины финансового менеджмента. Мне нечего было ей возразить.

– Напрасно. – Сказал я. – Заниматься нелюбимым делом тяжело.

Она опустила глаза.

– Тогда казалось, что у меня нет выбора. Я согласилась, но уже спустя месяц учёбы очень пожалела об этом. – Голос Даши дрогнул.

– Ещё не поздно вернуться к любимому занятию. – Сказал я и услышал в ответ.

– Иногда поздно.

И тут произошло то, что до того момента я никогда не мог себе вообразить даже в самых своих нелепых фантазиях и страшных снах.

Глава 7

Где-то очень далеко, словно в другом мире завизжал сигнал машины скорой помощи. Я ощутил неясную тревогу, как, вероятно, кошка или собака чувствуют опасность.

– Не нравится мне это. – Сообщил Лоб.

– Да. – Согласился Грыз. – Как говорил великий Винни Пух, это «ж-ж-ж» – неспроста!

Крик сирены усиливался и вскоре стал оглушительен. Было ясно, что машина свернула на шоссе, ведущее к парку. Всё пространство вокруг сотрясало и ёжилось от звуков и мигающих огней сокрушительной силы. Даша остановилась. Глаза её были закрыты, а на лице застыло выражение ужаса.

– Не бойся. – Сказал я и обнял её за плечи. – Вероятно, кому-то в парке нужна медицинская помощь. – Я огляделся по сторонам: никого, лишь фигура одинокого пешехода с собакой вдали. Очередной пронзительный крик неотложки, набирая высоту, вдруг оборвался на полпути, и медицинский фургон затормозил у края дороги, огибающей парк. Из него сначала появился один член экипажа, двое других изнутри помогли ему выгрузить большую каталку для лежачих больных, и вскоре вся тройка уже мчалась по дорожке парка в нашем направлении. Я попытался крепче прижать к себе Дашу, но она отстранилась.

Каталка остановилась в метре от нас и один из членов команды шагнул ко мне. Это был крепкий парень выше на полголовы меня и шире, с лицом мужественным и решительным.

– Здравствуйте. – Произнёс он хорошо поставленным голосом диктора телевидения. – Извините за беспокойство, но вам необходимо пройти небольшое медицинское обследова-

ние. Вы давно не были у лечащего доктора.

Я был готов услышать что угодно, но не это и потому почувствовал себя одураченным. Я действительно давно не был у лечащего врача просто потому, что в этом не было необходимости, но предложение поехать на обследование прямо сейчас, да ещё и на лежачей каталке показалось мне фантастически не реальным, а потому подозрительным. Я оглядел двух других членов медицинской команды. Один, это был коренастый среднего роста мужчина, улыбнулся мне так, как будто давно мечтал меня встретить. Другой, самый маленький и самый широкий из всех, широкоскулый, широкоплечий, выразил симпатию ко мне более сдержанно, кивком головы, однако напряжённая поза его показалась мне похожей на стойку питбуля перед прыжком.

– Маньяки, торговцы людьми или донорскими органами. – Обрисовал ситуацию Лоб.

– Без паники. – Возразил Грыз.

– Но почему такая срочность? Я завтра же позвоню своему врачу и сделаю всё необходимое. – Пытаясь казаться раскованным, сказал я и по очереди заглянул в глаза каждому из членов медицинской команды. Двое из них по-прежнему оставались безмолвны. Заговорил всё тот же, с дикторским голосом.

– Обследование необходимо начать уже сегодня. На все вопросы вам ответят в госпитале.

Я повернулся к Даше, коснулся её руки и тихо сказал. –

Не волнуйся. Это какое-то недоразумение. – Затем, с трудом сделав себе приветливое лицо, вновь устремил его на лидера медицинской тройки. Он, вероятно, не ожидал этого и потому не успел скрыть своих эмоций. Я заметил, как брови его взметнулись вверх, как будто он, глядя на меня, увидел нечто тревожное, словно я позеленел у него на глазах или покрылся сыпью. Затем он быстро взглянул на улыбчивого напарника, стоящего слева от него, словно хотел сказать: Видишь, позеленел, как и следовало было ожидать.

В этот момент решение мной было принято.

– Мне хотелось бы сказать несколько слов моей девушке наедине. – Невозмутимым голосом произнёс я.

– Да, пожалуйста, только мы должны вас видеть. – Ответил лидер, глядя на меня испытующим взглядом.

Я взял Дашу за руку, и мы отошли с ней метров на десять.

– Тебе стоит уйти. Я всё улажу. Не волнуйся. – Сказал я, стараясь придать и лицу, и голосу уверенности.

Даша отрицательно покачала головой. Лицо её выражало страдание. – Это я во всём виновата. Мне надо было тебе всё объяснить.

– Беги. – Повторил я и, развернувшись, быстро пошёл назад, чувствуя, как в моём до сего дня миролюбивом сердце пробуждается вулкан, а кулаки отяжелели так, что ломит плечи.

– Ну, что в путь? – Произнёс я, поравнявшись с каталкой и ласково погладил её правой рукой. – Удобный транспорт.

То, что произошло дальше, оставило в моей памяти глубокий, но не очень чёткий след. Помню, что солист опустил руку в карман, и в нём что-то звякнуло, после чего всё, что накопилось в моём сердце в течение последних минут, вышло из берегов. Ещё помню слова Лба: «Заверни кулаки, держи подбородок.» Пальцы моих рук сжались. Правое плечо напряглось, отвело всё, что висело на нём, а потом толкнуло прямо в нос солисту. Он вскинул обе руки кверху, словно пытаюсь удержаться за воздух, и, брызгая кровью, опрокинулся назад.

– Ой! – Пискнул Грыз.

Я уж было хотел наклониться над павшим, чтобы проверить, всё ли с ним в порядке, но его напарник возник передо мной. Время, потерянное мной на мысли о пострадавшем, теперь обернулось против меня. Я не успел сконцентрироваться. Самый широкий член команды схватил меня за обе руки. Его мощные пятерни были подобны наручникам. Третий обхватил меня сзади. Чувствуя себя в капкане, я принялся разбивать и кромсать их всем чем мог: ногами, головой, даже зубами. Потом что-то обожгло моё правое плечо, тело как-то вдруг отяжелело и перестало слушаться. Нечто густое, тягучее, словно многоцветная карамель, стала обволакивать меня и закручиваться по часовой стрелке. Не знаю, сколько я вращался в этой воронке, но наконец карусель остановилась, и я открыл глаза.

Глава 8

Вокруг всё было белоснежным: потолок, стены, жалюзи на окне. Я огляделся, стараясь понять, увиденное, однако, и содержимое головы моей напоминало чистый белый лист. Попытался встать и вдруг осознал, что не могу, но не потому что слаб или парализован, а потому что привязан. Прочные жгуты держали руки и ноги. Следующим моим открытием была игла от капельницы в вене на предплечье правой руки.

– Что за бред? – Спросил я себя. – Аппендицит? Сотрясение мозга? Но почему привязан?

Я сделал рывок, пытаюсь освободиться. Кровать вздрогнула, но выстояла. Почувствовал желание кричать, но пока решал, что именно крикнуть, передо мной появилась Даша. Я сразу всё вспомнил. Вернее, всё до жгучей боли в руке.

– Ох! – Выдохнул я, почувствовав себя невероятно счастливым. – Как рад тебя видеть! Но что это всё значит?! – Я обвёл глазами палату, дёрнул руками и ногами.

Даша коснулась рукой моего лба, затем погладила меня по голове, как маленького ребёнка и, вздохнув, заговорила. – Вчера вечером мужчина преклонных лет прогуливал свою собаку в парке. Он обратил внимание на молодого человека, разговаривающего с пустотой, и позвонил в службу скорой помощи. Потом, когда приехавшая бригада медиков попыталась госпитализировать этого юношу, он сломал санитару нос. Пострадавший прооперирован. Врачу и медбрату повезло больше. Они отделались ушибами и царапинами.

– Причём тут человек, разговаривающий с пустотой?! Какое отношение это имеет ко мне? – Спросил я, испытывая неприятное тревожное чувство.

– Прямое отношение. Я всё объясню тебе позже. – Сказала Даша и снова погладила меня по голове. – В твоих медицинских учётных документах был найден телефон родителей. Им позвонили, и, вероятно, завтра ты уже сможешь их увидеть.

Мне трудно передать словами мои чувства в эти минуты. Происходящее казалось таким чудовищно нелепым, что я даже не пытался уложить его в мою голову. Я посмотрел на Дашу умоляющим взглядом.

– Пойми, родители мне не помогут. Помочь можешь только ты, рассказав всю правду. Ты должна это сделать.

Даша опустила глаза. – Не сегодня. Ты ещё слишком слаб.

– Когда же?

– Когда тебя отпустят из госпиталя.

В этот момент за дверью послышались шаги. Даша посмотрела на меня умоляющим взглядом.

– Прошу, сделай вид, что меня здесь нет. Она коснулась губ указательным пальцем правой руки и исчезла под кроватью.

Дверь распахнулась и передо мной появилось двое в костюмах медицинского персонала: высокая дама со строгим лицом, рыжими буклями на лбу, в синих чепчике, блузке, брюках, с папкой документов в руках и маленький сухонь-

кий старик в белом халате. Женщина, держа спину так прямо, словно её позвоночник был представлен единой костью, прошла неспешно и величаво на середину палаты и остановилась. Старичок же не вошёл, а влетел вслед за ней. Произлив собой мои апартаменты, он затормозил у окна, быстрыми решительными движениями жилистых тощих рук раздвинул жалюзи и стал дёргать оконные ручки, вероятно проверяя их надёжность.

– Сестра Марта, зачитайте мне анализ крови пациента Чудова! – Выкрикнул он скрипучим старческим фальцетом, продолжая сотрясать себя и оконные рамы.

Сестра открыла журнал и с выражением, словно она читала художественное произведение, начала оглашать длинный список медицинских терминов и цифр уверенным, звенящим, как металл, голосом. Между тем старик оставил в покое окно и стал осматривать потолок и стены, вращая головой, казавшейся треугольной из-за отсутствия волос на макушке и их обилия на затылке и по бокам. «Профессор психиатрии Леопольд Муссон» – прочитал я вышитое зелёной нитью на белом кармане его халата. Вдруг профессорский взгляд, устремлённый вверх, остановился.

– Что это? – Взвизгнул он, багровея.

Голос медсестры оборвался на полуслове.

– Не знаю. – Ответила она всё тем же бодрым голосом после короткого, невозмутимого взгляда в указанном направлении.

Профессор издал неопределённый звук, лицо его приняло угрожающий вид, брови соединились у переносицы, а округлившиеся глаза стали метаться из стороны в сторону, словно в поисках чего-то, что можно было сломать или разбить и тут остановились на мне. Я вздрогнул. Однако, в этот момент выражение профессорского лица неожиданно смягчилось. Он подошёл ко мне и трагическим голосом произнёс.

– Паутина! Посмотрите, паутина прямо над вами! Однако, ни санитарка Персикова, ни сестра Марта её не видят! При этом их органы зрения абсолютно здоровы. Почему, как вы думаете это происходит? Да, потому что, если ум ленив, а душа близорука, даже идеальный человеческий глаз практически слеп!

Я, не найдя, что ответить, решительно кивнул головой.

– Убрать и немедленно! – Скомандовал профессор.

Сестра Марта, не дрогнув ни одним мускулом лица, не спешно, без суеты вынесла себя из палаты. Сквозь приоткрытую дверь заструились звуки и запахи, напомнившие мне городскую дорожную магистраль. Разница была несущественной: вместо машин проносились, дребезжа, больничные каталки и пахло не выхлопными газами, а лекарствами. Профессор пробурчал что-то невнятное, достал из кармана большой синий в белый горох носовой платок, снял очки и стал их протирать так энергично, что череп его в местах, лишённый растительности, вскоре засиял бисеринами пота. Я почувствовал непреодолимое желание высказаться, потребо-

вать объяснений или что-нибудь в этом роде. Мои мысли и желания были неопределённые, нечёткие. Одно было ясно: пора действовать. Но в тот момент, когда я, устремив на профессора негодующий взгляд, открыл рот, дверной проём затмила сестра Марта. Не успела она сделать и двух шагов, как за ней что-то загромыхало, закрипело, и появилась невысокого роста, чрезвычайно крепкого телосложения женщина лет сорока, круглолицая, розовощёкая, в жёлтых халате и косынке, закрывающей лоб до самых бровей. Помню, что я тогда подумал, что это и есть санитарка Персикова. В правой руке женщина держала маленькую пушистую метёлку, какой обычно сметают пыль с музейных экспонатов, в левой – небольшую стремянку. Она несла её, как говорят, «ногами вперёд». Но, вероятно, стремянку это не устраивало, и она то и дело упиралась обеими металлическими «ногами» в дверные косяки, словно доказывая, что ещё не отслужила свой век, и несёт её не на свалку, а на работу. Но Персикова была настойчива и, бубня что-то вроде «Ах, ты зараза какая!», повторяла попытки вписаться в дверной проём. Сестра Марта открыла папку и начала просматривать бланки, делая в них пометки. Профессор же с очками и носовым платком в руках был недвижим. Его напряжённый взгляд упирался куда-то в угол палаты. Возможно, он, как и я, считал удары. После седьмого, Муссон не выдержал. На ходу засовывая очки с платком в карман, он ринулся к двери и, не тормозя, вытолкнул из палаты всё, находящееся в дверном проёме. Затем так

же решительно развернул стремянку «головой вперёд», после чего Персикова оказалась головой, то есть лицом, назад. Однако, этот факт совсем не смутил профессора. Он пропихнул их обоих в палату, поставил рядом с моей кроватью и без единого слова вернулся на прежнее место. Я посмотрел на него с уважением, затем с опаской на санитарку. Она поправляла сбившуюся на бок косынку и бросала смущённые взгляды в сторону Муссона. Стремянка, стоявшая рядом с этой крепко сбитой из не менее восьмидесяти килограммов женщиной, показалась мне очень ненадёжным сооружением. И тут Персикова, сверкая крепкими загорелыми икрами ног и розовым бельём, неожиданно быстро зашагала вверх по ступеням. Я зажмурился. Минут пять надо мной раздавались вздохи, чихание, скрип, прерываемые уже знакомым «Ах, ты зараза какая!». В носу зачесалось, вероятно от сыпавшейся на меня пыли. Я чихнул, и вдруг ужасные картины замелькали в моём сознании : падающая на меня женщина в жёлтых халате и косынке, я в гипсе на больничной койке. Мои тяжкие видения прервал голос профессора.

– Узкая специализация – одно из достижений человеческой цивилизации. Уверен, что лет двадцать – двадцать пять назад госпожа Персикова с лёгкостью бы справилась с поставленной задачей. Она умела видеть и убирать паутины на потолке, умела многое другое, однако, то, что мы называем «цивилизованным миром», нанесло непоправимый ущерб всему полезному, заложенному в ней природой. От-

ныне она – узкий специалист. Безо всякого сомнения высококлассный специалист! Моя коллега знает всё о мытье полов: необходимые концентрации всех моющих и дезинфицирующих средств в рабочих растворах, требуемое законом соотношение количества вёдер к площади полов, все тонкости обращения со шваброй, все методики оттирания и выведения пятен и так далее! Снятие же паутины с потолка – задача, непосильная для неё. Специалист в этой области – санитарка Пшельчик, но она в отпуске, потому наше отделение зарастает паутиной! Однако, это никого не удивляет! Никого не огорчает, что большинство из нас однажды превращается в детали одной большой машины: в какие-нибудь катушки, реле, шестерёнки, способные лишь вращаться в заданном направлении. От того и ум становится ленив, и душа близорука. – Профессор шумно вздохнул и продолжил. – И дело не только в паутине на потолке, мой друг, и не в госпоже Персиковой. Это лишь частный случай, один из множества симптомов тяжёлой болезни человечества, которая может его убить. Уже убивает! Да-да! Медленно, но верно. Вы, пожалуй, захотите напомнить мне, что население земли растёт? Однако, я не о количестве, я о качестве. Человек и человекообразный это не одно и то же. Надеюсь, вы понимаете меня? Ментальное здоровье первобытного человека было гораздо крепче, потому что информационное пространство, питающее его разум, сияло гармонией и чистотой, потому что это был Божий Храм Природы. Цивилизо-

ванное человечество загнало себя в информационный вертеп, и кто бы не пытался сделать его привлекательнее, усилия эти напрасны. В нём повсюду паутина, всевозможная, всемирная, крепко держащая однажды в неё попавших, стягивающая их разум всё сильнее и сильнее. Ещё немного, и он высохнет и отвалится, как всё, что не востребовано. – Профессор вновь издал шумный вдох и, выдохнув, вялым голосом очень уставшего человека завершил свою речь. – Госпожа Персикова, хватит махать метёлкой. Так отгоняют мух. Можете быть свободны.

Лишь спустя минуты три, когда скрип металла надо мной затих, я, наконец, решил открыть глаза. Персикова уже выходила из палаты, профессор нёс за ней стремянку. Через минуту он вернулся. Багровость на лице доктора стала рассасываться, грозные складки между бровями и на лбу разгладились, и уже через несколько секунд он смотрел на меня, как на старого друга, тепло и доверительно. Приподняв правую руку и, словно указывая мне на что-то, он описал ею полукруг, затем вздохнул и с величайшей грустью в глазах заговорил.

– Говорят, бог всё видит. Я уверен, что человек, если бы хотел, тоже бы смог. Я, к примеру, сейчас вижу Адама. – Муссон указал на угол справа от окна и кивнул головой, будто здороваясь с кем-то. – И хоть лоб у него невысок, и речь проста, но глаголит он истину: «Если б знал», – говорит, – «что из семени моего такой дурдом вырастет, сам себя оско-

пил и вошёл бы в историю спасителем рая земного!» Вот так. – Профессор вздохнул и протянул мне руку. – Рад знакомству! Уверен, что и вам открыто невидимое среднестатистическому ленивому глазу. Я за тридцать шесть лет в психиатрии научился разбираться в людях.

Забыв о том, что привязан, я дёрнул правой рукой. Кровать зазвенела, а брови профессора вновь взметнулись вверх.

– Развязать! – Опять взвизгнул он. – Сестра Марта, у вас что закончились транквилизаторы?

Сестра подплыла к кровати и посмотрела на меня настроенно.

– Это тот, кто сломал нос санитару скорой помощи и покалечил доктора и медбрата. Доктор Гиз разрешил. – Произнесла она обличающим тоном прокурора.

– Развязать! – Повторил профессор. – Доктору Гизу надо было работать ветеринаром.

Уже через пару минут я почувствовал себя воскресшим, реабилитированным и потому способным говорить.

– Я попал сюда случайно. Это чья-то ошибка. Мне бы домой. – Выпалил за секунду я, словно мне развязали не только руки, но и язык.

Профессор встал и, будто не услышав меня, направился к выходу. Сестра Марта поплыла за ним. Открыв дверь, Муссон остановился и пропустил её вперёд. Когда осанистую фигуру сестры унесло течение времени, он слегка повернул го-

лову и, не глядя на меня, то ли мне, то ли себе самому сказал. – Если кому-то дано видеть то, что не видят другие, у него есть два выхода: либо скрывать свой дар, либо привыкнуть к стенам психиатрического госпиталя. Однако, следует помнить, что почти всё из того, чем гордится большая часть человечества, называющая себя нормальной, создано теми, кого эта часть человечества окрестила душевнобольными.

Профессор исчез в дверном проёме, а я всё сидел на кровати, чувствуя себя раздавленным свалившимися на меня словами «Психиатрический госпиталь», «Душевнобольные». Наконец, чувствуя сильную усталость, я закрыл глаза, а когда открыл, увидел перед собой Дашу. Взгляд её выражал сожаление.

– Надо ждать. – Сказала она. – Всё постепенно образуется.

– Нет. Я выберусь отсюда максимум завтра, что-нибудь придумаю. – Я посмотрел на Дашу умоляющим взглядом. – Мы что-нибудь придумаем!

В ответ она лишь пожала плечами.

– Чтобы выйти отсюда, мне нужен пропуск. – Начал вслух рассуждать я. – Чтобы получить пропуск, я должен прийти в госпиталь, как посетитель. Это невозможно. Значит, кто-то должен это сделать за меня. Но кто?

Мне не пришлось долго думать. Решение пришло мгновенно. Сформулировано оно было всего в одном слове «Стив». Еле сдерживая переполняющую меня радость, я, стараясь говорить тихо, изложил Даше свои мысли, а затем

попросил.

– Ты сможешь позвонить ему?

Даша опустила глаза и ничего не ответила. Она выглядела такой расстроенной и смущённой, что я не стал задаваться вопросом «почему?» и продолжил поиски возможного решения. Мой взгляд совершал беспорядочный бег, ошупывая пространство вокруг, и вдруг зацепился за пластиковый браслет на запястье правой руки, которым обычно награждаются все счастливичики, прибывшие в больничное учреждение в карете скорой помощи. Не осознав, чем мог быть полезен данный предмет, я было попытался продолжить поиск, однако мне это не удалось ни с первой попытки, ни со второй. Моё внимание словно застряло в этой точке пространства.

– На этом браслете вся необходимая информация: имя, фамилия, дата рождения, название госпиталя, номер палаты. Я могла бы передать его Стиву. – Вдруг сказала Даша.

– Ты гений! – Воскликнул я, но она ладонью прикрыла мой рот.

– Тише! Если не хочешь новых неприятностей, ты должен быть очень осторожен.

Я кивнул головой и, снимая браслет, продолжил шёпотом. – Я дам тебе адрес Стива. Это недалеко. Ты можешь бросить эту штуку в его почтовый ящик.

– Я что-нибудь придумаю. – Даша сложила венчиком две ладошки и протянула их мне.

Я бережно положил браслет и поцеловал обе её ладони. – Завтра я буду на свободе. Мы сможем встретиться.

– На том же месте, в тот же час. – Прошептала Даша и своей удивительной летящей походкой вышла из палаты.

Я закрыл глаза. В голове закружилась карусель из мыслей, но вдруг эта круговерть остановилась, и я отчётливо вспомнил слова профессора Муссона.

– Если кому-то дано видеть то, что не видят другие, у него есть два выхода: либо скрывать свой дар, либо привыкнуть к стенам психиатрического госпиталя.

– О чём это он? – Насторожился я. – И что за разговоры о душевнобольных, которыми гордиться человечество? Жан Жак Руссо? Винсент ван Гог? Но я Чудов, и мой портрет никогда не висел на доске почёта. Тогда что?

Я попытался сосредоточиться и вспомнить все события предыдущего дня, чтобы понять, что привело меня в палату психиатрической клиники. Прокрутил в памяти часы, проведённые в университете. Всё было, как всегда.

И тут осознал, что из перечисленных событий вчерашнего дня осталась лишь встреча с Дашей.

Что за тайну она скрывает от меня? Кто или что угрожают ей? Мои размышления прервал скрип открывающейся двери и в палату вошла сестра Марта. В руках она несла металлический лоток средних размеров. Она поставила его на прикроватный столик и извлекла нечто. Я обомлел. Это был шприц! Посмотрел в глаза медсестры, испытывая слабую на-

жду на право выбора (быть или не быть уколотым). Однако лицо её не дрогнуло, и я, осознав, что приговорён и помилованию не подлежу, закрыл глаза. Мне показалось, что вошедшая в правое предплечье игла вышла через макушку. Спустя несколько секунд я почувствовал необычайную лёгкость и в теле, и в голове, а затем увидел, как оторвавшись от кровати, просочился сквозь оконные щели и был таков.

Глава 9

– Хватит дрыхнуть. – Услышал я где-то над собой.

Я с трудом открыл глаза и увидел Стива, сидящего на стуле рядом с кроватью, на которой, скинув простыни и разметав конечности, лежал я. Мой друг выглядел обеспокоенным.

– Ну, рассказывай. Версию врачей я уже знаю, теперь хочу твою послушать.

Я вздохнул, собираясь с силами, и пробормотал. – Сначала ты о себе расскажи.

Стив посмотрел на меня с пониманием, затем поднял глаза к потолку, словно тоже собираясь с силами, вернул их обратно и вялым голосом заговорил. – У меня дела обстоят не лучше, а, быть может, и хуже. Мечусь меж двух женщин: Фигаро здесь, Фигаро там. Молли в субботу вечером в Рекс предлагает сходить. Отменное меню, техно, хоп, ну и всё такое, а Зося ждёт меня в эту же субботу, к шести, к себе на чай с тортом собственного приготовления. Сказала, что папа

с мамой уже ждут. Ну, ты представляешь, как я влип?!

Я кивнул головой и опять вздохнул. – Мрак, но ты хотя бы на свободе, а, значит, есть свет в конце тоннеля.

– Да, совсем забыл! – Воскликнул Стив и вытащил из бокового кармана брюк мой больничный браслет. – Ты можешь объяснить, как эта вещица оказалась на лобовом стекле моей машины под «дворниками»? Сначала подумал, что кто-то пошутил, но, когда до тебя не дозвонился, понял, что браслетик этот мне не случайно подкинули.

Я было попытался взвесить, что стоит говорить, а что, быть может, не следует, но Стив решительным тоном подтолкнул меня. – Рассказывай!

Пришлось изложить ему всё чистосердечно: и то, что случилось в парке, и то, что волновало меня в поведении Даши, и о нашей с ней встрече.

– Ром, эта больница – тюрьма. – Нахмутив брови, заговорил Стив, и я понял, что он уже начал поиск решения. – Перед тем, как к тебе пропустить, меня обязали показать свои документы, затем сфоткали и тут же распечатали вот этот пропуск. – Стив показал прямоугольник из плотной бумаги размером чуть больше банковской карты. – Каждый раз, входя и выходя, я обязан его предъявить. Охранник на входе меня рассматривал с таким рвением, будто искал не сходства, а различия между мной и портретом на пропуске. Такое

ощущение, что с каждого пойманного лазутчика он получает премиальные. А медсестра? Если она обнаружит исчезновение, тебя, как, извини, буйного пациента, объявят в розыск. Сейчас ты имеешь неприятности с медиками, после побега будут неприятности с полицией. Зачем тебе это нужно?

– Если ты откажешься мне помочь, я всё равно что-нибудь придумаю. – Сказал я тоном, не допускающим никаких сомнений.

Стив вздохнул. – Что ж, хочешь приключений, я помогу их организовать. Давай думать. – Он наклонился ко мне поближе и сбавил громкость. – Совершенно ясно, что мы должны найти тебе замену. Я не могу быть твоим дублёром. Во-первых, мы абсолютно не похожи. Во-вторых, у меня есть личный транспорт и потому могу быть полезным для тебя. Если ты будешь кататься на автобусе, решая свои дела, тебе потребуется уйма времени и подмена будет обнаружена. Значит, нам нужен третий. Ну, кто? Кому мы можем предложить место в палате психиатрической клиники? И, главное, какой чудак согласится его принять? У тебя есть кто-нибудь на примете?

Я погрузился в тяжёлые раздумья. Гулкая тишина заполнила палату. В ней мелькали образы моих давних и не очень давних знакомых. Все они были вполне нормальными и даже хорошими людьми, но ни одного чудака. В тот момент, когда мой мозг исчерпал свои возможности в поиске кандидата на отдых в палате номер 6, в кармане Стива забренчал телефон.

Он, нехотя, извлёк айфон и вяло, безо всякого энтузиазма заговорил.

– Молли, детка, я очень занят, перезвоню позже. Да. Пока.

Однако, в тот момент, когда мобильный выключил сигнальные огни, брови Стива взметнулись кверху, а лицо его осветило солнце гениального открытия.

– Молли! – Воскликнул он, слегка осипшим от избытка эмоций голосом. – Она прирождённая актриса и сможет тебя подменить!

Я почувствовал то, что вероятно переживает утопающий, осознавший, что соломинка, за которую он схватился, идёт ко дну вместе с ним. Предложение показалось мне настолько нелепым, что я принял его за шутку.

– Не смешно. – Сказал я.

Стив откинулся на спинку стула и посмотрел на меня так, как смотрят на диван или шкаф, прикидывая, впишется ли данный предмет в интерьер комнаты.

– Я не вижу существенной разницы между вами, которую невозможно было бы спрятать или подредактировать. Какой твой рост?

– Метр восемьдесят шесть.

– В ней метр семьдесят четыре. Она говорила мне. Десять сантиметров легко исправить высотой каблуков. – Стив хлопнул в ладоши и продолжил. – Черты лица? Мягкие, ничего, как говорится, в глаз не бьёт, как мой греческий нос, к примеру. Добавить грим и парик, и вы станете близнеца-

ми! – Он опять хлопнул в ладоши! – Ты что предпочитаешь: мини, макси?

– Джинсы. – Еле слышно сказал я, всё больше осознавая, что Стив не шутит, и обратного пути нет.

– Нет, Ром. Только юбка и лучше подлиннее. Таких головокругительных ног и попки, как у Молли, у тебя нет. Потому свои мужские прелести тебе надо будет прикрыть длинной просторной юбкой. Я что-нибудь подыщу у маман. Во сколько у тебя свидание?

– В семь.

Стив посмотрел на часы. – Пора начинать операцию... – Он задумался. – Как мы её назовём? X? Y? Скучно! Ты подумай на досуге. Да, не дрейфь и время зря не теряй. Входи в образ. Учись у зеркала стрелять глазами и вилять задом, как Молли. – Стив замолчал на несколько секунд, словно обдумывая что-то, затем обратился на меня полный иронии взгляд и, играя лицом и голосом произнёс. – Однако, ты совсем потерял голову, Ромео! Чем околдовала тебя твоя Джульетта? Как она выглядит? Расскажи!

Я пожал плечами, не зная, что ответить. В любой другой ситуации я бы отшутился, однако сейчас это было невозможно. Чем бы не был вызван интерес Стива, он должен был знать, как выглядит Даша. – Светлые длинные волосы, зелёные глаза, стройная. – Начал я неуверенно. – Затем улыбнулся, вспомнив её походку. – Двигается очень грациозно. Она занималась балетом.

Я заметил, что в этот момент с лица Стива исчезла улыбка. Он резко встал, хлопнул меня по плечу и, бросив мне короткое «До встречи!», исчез за дверью палаты так быстро, что я не успел сказать ни слова. Мысль о том, что мой друг ведёт себя странно, что его, судя по всему, что-то мучает, занимала мою голову недолго. Была ли Даша, которой Стив отдал в ночном клубе таблетки той Дашей, которую встретил я, казалось мне сейчас неважным. Важно было то, что нам предстояло с ним решить.

– Что же будет? – Этот вопрос вонзился в мой мозг и безнадёжно застрял. Я представил себя в роли Молли, шагающего по больничному коридору, затем глаза охранника, устремлённые на меня. Увиденное после трудно описать словами, но я попробую. Сначала на глазах ошеломлённых посетителей с меня сняли юбку и парик, потом под конвоем охраны госпиталя провели по всем больничным коридорам, дабы всем увидевшим меня не повадно было. Я чувствовал на себе изумлённые взгляды сотен глаз и слышал то тут, то там: вот этот псих сломал нос храброму санитару и зверски покалечил лучших медбрата и врача, а теперь пытался сбежать, переодевшись в женский костюм. Потом мне представилась встреча с профессором в моей палате и рыдающая на моей больничной койке Молли.

– Чудов, что с вами? Вы меня слышите? – Прозвучало где-то надо мной.

– До боли знакомый голос. – Подумал я и, словно очнувшись, увидел ярко выраженную тревогу в глазах склонившейся надо мной сестры Марты. Ещё находясь под впечатлением нарисованных моим воображением картин, я уж было хотел принести извинения, но не успел, потому что услышал следующее.

– Время обедать, Чудов, и принимать лекарства. Однако, вы плохо выглядите. Может, позвать врача?

Мне сразу стало так хорошо, как, кажется, не было не разу до сих пор. Я осознал, что не пойман, а значит, шанс всё ещё есть, и с величайшим энтузиазмом рассказал сестре об улучшении моего здоровья, а также выразил ей искреннюю благодарность. Я даже принялся в её присутствии поедать принесённый больничной кухаркой и не замеченный мной грибной суп с рисом, показавшийся мне необычайно вкусным. Лицо сестры из тревожного стало подозрительным. Она проколола меня своим пронизательным взглядом и вышла из палаты с несвойственной ей поспешностью. Только я успел сбежать в туалет, чтобы смыть таблетки, как она вернулась, и не с пустыми руками, а с уже знакомым мне лотком. Всё последующее повторилось с пренеприятнейшей точностью. Пронзённый насквозь я полетел в неизвестном направлении. Помню, что моя последняя мысль была о том, что я так и не научился стрелять глазами и вилять задом, как Молли.

– Опять дрыхнет. – Услышал я над собой голос Стива. – Вот это нервы! Я волнуюсь больше, чем он.

– А, может, он действительно болен, и нервы как раз не в порядке? – Пропело нечто, что могло быть только Молли. Этот томный мурлыкающий голос невозможно было не узнать. Такой пощёчины я не мог стерпеть молча и попытался открыть глаза и рот, чтобы ответить: Эх! Вам бы на моё место! Однако смог открыть только рот и произнести лишь «Эх!». На остальное почему-то не хватило сил. Однако, этого оказалось достаточно, чтобы закрутить колесо фортуны.

– Ну, вот и славненько! – Мякнула Молли. – Зевнул! Гляди, Стива, сейчас он, как Вий из великой повести Николая Васильевича Гоголя, скажет: Поднимите мне веки! – Последние три слова Молли произнесла глухим низким голосом.

Это была вторая пощёчина, которая привела меня в чувства. Я открыл глаза и не поверил им. Передо мной стоял Стив, совершенно не похожий на Стива, которого я знал до сих пор. Он был в белом костюме «тройка» и при красной бабочке. Его вечно торчащие вихры в этот раз были тщательно зачёсаны назад и обильно залиты лаком. В одной руке трость, в другой белый кожаный кейс. Что ещё? Ах, да – красная роза, торчащая из нагрудного кармана пиджака. В общем, пижон высшего разряда! Однако, то, что стояло рядом с ним затмевало его своей уникальной, потрясающей, гениальной несуразностью. Самой яркой достопримечательностью этого чуда человеческой фантазии был высокий, не

менее двадцати сантиметров, курган зелёных волос на голове. Верхушка его была украшена такой же алой розой, как и карман Стива. Ниже – широкая белая блузка в жёлтый горох и длинная синяя юбка в белую полоску. В руках большая хозяйственная сумка неопределённого цвета. Да, забыл о лице. На нём запомнилось лишь нечеловеческих размеров губы, нарисованные оранжевой помадой. Взглянув на всё это цветопредставление, я поначалу лишился дара речи.

– Ну, как тебе наш прикид? – Спросил Стив, сияя гордой улыбкой и налакированным чубом.

Я постарался быть тактичным и, пряча смущённый взгляд, произнёс.

– Неплохо, но зачем так... – Не найдя подходящего слова, я свернул эту фразу и начал новую. – Можно было бы поскромнее, понезаметнее.

– Неуд тебе по психологии, Чудик! – Воскликнула Молли. – Лучший способ остаться незаметным – бросить пыль в глаза. Ты представляешь, как мы напылили и ещё напылим всем этим великолепным безобразием!

– Всё, хватит дискуссий! Пора костюмы менять. – Прервал её Стив. – Раздевайся, Молли.

Я целомудренно отвернулся к стене.

– Можешь не отворачиваться! Под моим бальным платьем пижама. Мне Стив такую же, как у тебя купил. Только полоска не белая, а жёлтая, но это мелочи! Тем более, что я под одеялом лежать буду. Держи! – Молли бросила мне парик,

кофту и юбку. – Ой, мамочки! Я лучше отвернусь, чтобы не умереть во цвете лет со смеху!

– Цыц, женщина! – Скомандовал Стив. – Быстро в постель! Да помаду не забудь стереть. Салфетки я тебе в правый карман пижамы положил, а в левый мужской паричок. – Он посмотрел на меня. – Еле нашёл такие же, как у тебя кудри.

Глядя, как Молли ловко спрятала каштановый хвост волос под маленький русый паричок, я дрожащими то ли от слабости, то ли от волнения руками стал натягивать зелёный курган на свою голову.

– Сначала блузку! – Стив снял с меня парик, затем натянул блузку. – Теперь причёску будем делать. Вот так! – Он отступил назад, глядя на меня оценивающим взглядом. – Отлично! Одевай юбку!

В этот момент дверь в палату распахнулась и вошла сестра Марта. В парике, блузке и с юбкой в руках я успел лишь спрятаться за широкую спину Стива и замер, боясь пошевеливаться.

– Больному пора ужинать и принимать лекарства. – Эти слова, произнесённые знакомым резким, звенящим, как металлическая вилка голосом, прозвучали, как приговор.

Я почувствовал тычок дружеского локтя в мой бок, а затем услышал примерно следующее.

– Всего несколько минут! Нашему другу так одиноко! – Баритон Стива превратился в тенор, в котором тихо журчали

заискивающие нотки.

– Сожалею. – Прозвенела сестра так, что было ясно, что никакого сожаления она не испытывает, – Однако, больному нельзя переутомляться. Это вредно для его нервной системы.

Я опять почувствовал тычок в бок, после чего, наконец, вспомнил о юбке и принялся её натягивать, а Стив откашлялся и продолжил.

– Вы совершенно правы, сестра. Нервная система очень сложный механизм. Я недавно прочёл в одной очень умной книге, что все болезни от нервов.

– Это давно известная истина. – Голос Марты слегка смягчился. – Странно, что вы только узнали об этом.

– С вашим опытом, сестра, вам всё кажется простым. А для меня медицина – сложнейшая из наук. Правда, дорогая? – После этих слов Стив обернулся ко мне. Я почувствовал себя так, словно стоял на пути несущегося на меня трамвая. Мне страстно захотелось убежать.

Вероятно, Стив почувствовал это. Он взял меня под локоть одной руки, в другую сунул хозяйственную сумку Молли, посмотрел на часы и вдруг воскликнул.

– Какой ужас! Мы опаздываем! Простите. У нас... – Он бросил ласковый взгляд в мою сторону. – У нас с моей крошкой сегодня помолвка. Гости ждут! Очень... – Стив, не спрашивая, схватил руку сестры и припал к ней губами. – Очень рад встрече с вами! Теперь я спокоен. Здоровье моего друга

в надёжных руках! – Мы оба взглянули на Молли. Она лежала, повернув лицо к стене, и посвистывала носом так убедительно, что даже я поверил (хоть это и показалось мне невероятным), что она уснула.

– Уснул. – Прошептал Стив. – Вот и хорошо. Пусть спит и сил набирается, а мы пойдём.

Он подтолкнул меня к двери, затем вытащил из своего белого кейса коробку шоколадных конфет и вложил её в руки оторопевшей сестры. Та открыла было рот с намерением что-то сказать, но Стив напомнил ей о помолвке и просил не будить его друга (то есть меня), так как сон лучшее лекарство от всех нервных болезней. Потом мы стремительно неслись по больничному коридору, вернее мой друг тащил меня, держа за локоть. Ноги мои подкашивались от страха, запутывались в юбке, а Стив повторял. – Виляй задом. Виляй задом и улыбайся. И я вилял, и улыбался.

Потом мы спускались в переполненном лифте, и все пассажиры смотрели на меня. Эта дорога с седьмого этажа на первый показалась мне бесконечной. Лифт останавливался почти на каждом этаже. Его содержимое постоянно пополнялось, а я чувствовал себя главной достопримечательностью дня для работников и посетителей психиатрического госпиталя. Особенно тревожили меня две дамы, стоящие рядом и смотревшие на меня в четыре недоброжелательных глаза. Какое-то время они перешёптывались, и наконец, одна из них, довольно грузная, средних лет, вздохнула и с выраже-

нием беспредельной печали произнесла.

– Господи, что делается на белом свете.

– Да-да. – Закивала головой другая, высокая худая блондинка таких же лет, и обвела взглядом пассажиров лифта, вероятно, в ожидании дискуссии. Салон наполнился вознёй и перешёптыванием.

– Вот именно. – Вдруг заговорил Стив. – Никакой ответственности в людях. Вы знаете, сколько лет этому лифту?

Наступила тишина.

– Много. Очень много. – Продолжил мой друг. – Словно в подтверждение его слов машина дрогнула и заскрипела. – Слышите? А ведь мы сейчас все рискуем жизнью. А, между прочим, недавно в одной из больниц... – Стив задумался на пару секунд и возобновил свой монолог. – Запомнил название, но это не важно. Так вот, в больнице этой вот такой же лифт-долгожитель тянул-тянул лямку, а потом – Бац! – Лифт опять скрипнул, остановился и открыл двери. На табло вспыхнула цифра 4. Полная дама ринулась к выходу.

– Сюзанна, это четвёртый этаж! – Крикнула ей блондинка.

Сюзанна взглянула на неё многозначительным взглядом и дёрнула за руку. Они вышли, а вслед за ними большая часть пассажиров. Пополнение было немногочисленным: седая старушка с ярко накрашенными губами. Она стала прямо напротив Стива, и тут я заметил, что с лица моего друга исчезла радостная улыбка. Он наклонился к моему уху и прошептал.

– Ты забыл покрасить губы. Помада в кармане твоей юбки.

Я вытащил то, что нашёл в указанном месте и замер, не зная, что с этим делать. Стив обхватил эту вещьцу своими большими толстыми пальцами, что-то где-то покрутил, и появился толстый стержень отвратительного малинового цвета. Затем он вложил этот предмет в мою ладонь и ласковым голосом произнёс.

– Подкрась губки, моя дорогая.

Я посмотрел на старушку, как смотрит художник на модель, и попытался максимально сконцентрироваться. Поставленная Стивом задача казалась мне невыполнимой. Однако, я не мог обмануть ожиданий друга и пассажиров лифта, наблюдающих за происходящим. Первый раз, вероятно, от волнения я промахнулся, угодив, не помню куда. Вторая попытка была более удачной. Попав в цель, я повозил по ней дрожащей от напряжения и отвращения рукой, и вновь мой друг выручил меня.

– Ты сегодня выпила слишком много бренди, крошка. Давай, я тебе помогу.

Он взял из моих слабеющих рук помаду и работая ею, словно кистью, сделал несколько решительных мазков, затем отступил на шаг, оценивая свою работу и посмотрел на старушку. Она одобритительно кивнула головой и с резвыми, не погодаям, интонациями заговорила.

– Изумительная причёска! Столько изящества в ней, такой шарм! Я хотела бы сделать подобную. Как называется?

Я взглянул в карие, подведённые синим карандашом, глаза старушки и пожал плечами.

– «Тайная страсть»! Любимая причёска Марии-Антуанетты, королевы Франции. – Объявил Стив.

– Ах, как романтично! Сегодня же пойду к своему парикмахеру! – Радостно сообщила старушка.

Лифт остановился. На табло загорелась цифра «1».

– Из огня, да в полымя. – Вдруг вспомнилось мне.

Через несколько секунд мы со Стивом уже двигались в направлении контрольно-пропускного пункта.

– Мы с Молли сказали этому блюстителю порядка то же, что и твоей палатной сестре: сегодня у нас помолвка. Не забудь: мы спешим в ресторан. К охраннику надо обращаться только «господин Круз», так он нам с Молли представился. Сейчас я скажу, что мой больной друг попросил принести ему кусочек праздничного торта, и я не смог отказать. Это будет поводом для нас вернуться.

– А вдруг он откажет? Время для посетителей скоро закончится. – Прошептал я, тщетно пытаюсь унять дрожь в коленях.

– Не дрейфь. Я всё предусмотрел. При первой нашей встрече сегодня выяснилось, что он любит коньячок. Я обещаю ему Реми Мартин. Он у меня в кейсе. А сейчас расслабься и улыбнись, шаловливо так, таинственно, а глазкам нежности придай. Почувствуй себя обольстительницей. Вот так. – Стив повернул ко мне своё широкое раскрасневшееся

лицо и, несколько раз хлопнув рыжими ресницами, бросил в меня страстный, призывный взгляд, после чего опустил глаза.

– Стива, – сказал я, вглядываясь в работника охраны, крупного мужчину с лысой головой и грозным лицом, стоящего у выхода. – может, отойдём в сторону, потренируемся.

– Нет. – Отрезал мой друг. – В такой ситуации нет ничего лучше экспромта. Главное, постарайся ему понравиться. Другого выхода у тебя нет.

– Да, – сказал я себе мысленно, – другого выхода нет, и стал вспоминать женские лица на картинах великих художников. Шагая к выходу, как на казнь, я увидел сначала «Портрет Жанны Самари» Ренуара, затем мне улыбнулась «Девушка в платке» Венецианова и наконец, Мона Лиза Леонардо Да Винчи. Последнее показалось мне наиболее подходящей в качестве образца. «Никто не разгадал её улыбку» – Так выразился Фрейд, значит, это как раз то, что надо. Я слегка опустил веки, приподнял уголки губ и тут услышал голос Стива.

– Приветствую вас ещё раз, господин Круз! Однако, не последний раз. После ресторана зайду с коньячком. Не откажите.

– Нельзя. Я на службе. – Сочным басом ответил тот, но так неуверенно, что было ясно, что можно.

Господин Круз перевёл взгляд со Стива на меня. «Её улыбку никто не разгадал.» – Повторил я себе мысленно и,

протянув пропуск, взглянул на него ничего не видящими от страха глазами.

– Ах, Молли, дорогая! Нельзя так смотреть на мужчин, а то я буду тебя ревновать! Вы, господин Круз, произвели на мою невесту потрясающее впечатление! Ну, так я зайду через часик-два? До встречи! – Услышал я, как будто сквозь ушные затычки, а потом почувствовал, как крепкая рука Стива сжала мой локоть и потащила к выходу.

Потом в машине я привёл себя в порядок на столько, на сколько это было возможно: снял маскарадный костюм, стёр салфеткой все следы помады и облачился в одежду на размера два больше, но мужскую, чему я был несказанно рад. Уже без пятнадцати минут семь Стив припарковал машину на стоянке рядом с парком. Мы договорились, что он будет неподалёку, и если понадобится помощь, я дам ему знать. Условным сигналом было помахивание правой рукой над головой.

Глава 11

Я шёл по дорожке вглубь парка. Холодное октябрьское солнце уже клонилось к горизонту. Ржавый туман разливался на верхушки деревьев, обступающих меня, образуя длинный, уходящий вдаль коридор. Парк был почти пуст и безмолвен. Лишь шум дороги нарушал тишину. Я думал о Даше.

И тут в сумерках проступил знакомый силуэт. Я ускорил шаг. Сердце выскакивало из груди. Мысли путались. Хотелось быстрее увидеть её лицо, заглянуть в глаза. Мне казалось, что в них сейчас я найду ответы на все мучавшие меня вопросы.

– Будь сдержан. – Сказал Лоб. – Держи эмоции на поводке.

– Глупости. – Сказал Грыз. – Слушай сердце.

Я сделал шаг, обнял Дашу за талию и закружился с ней, не чувствуя под ногами земли, забыв о обо всём. Она смеялась и гладила прохладными руками мои волосы, лицо, наконец, наклонилась к моей щеке и шепнула.

– У нас мало времени. Хочу показать тебе кое-что. Пойдём.

Я остановился, опустил её на землю, а она взяла меня за руку и потянула за собой. Мы сошли с парковой асфальтированной дорожки на газон, пересекли его и приблизились к зарослям можжевельника. Даша раздвинула ветви и шагнула в безмолвную темноту. Я последовал за ней. Несколько минут мы шли в абсолютной тишине. Она была какой-то беспредельной, абсолютной, безоговорочной. Я шагал осторожно, подчиняясь ей, сдерживая не только дыхание, даже мысли. Спустя несколько минут ровная, мягкая, пружинящая поверхность под ногами перешла в твёрдый, каменистый подъём. Мрак стал прозрачнее, и в нём, как будто в самой его глубине, замерцали маленькие золотистые песчин-

ки. С каждым шагом они становились всё больше. Наконец, подъём закончился, мы вышли на небольшое плато, и я огляделся. Помню, что меня потрясло увиденное так, что перехватило дыхание, и я не мог понять то, что открылось моим глазам. Мы находились на вершине высокой горы, круто спускающейся спереди и пологой сзади. Всё видимое пространство вокруг было похоже на огромную реку, тёмные воды которой несли золотой песок, местами закручиваясь в воронки. Не в силах произнести ни слова, я лишь посмотрел на Дашу. Она улыбалась.

– Это чудо, правда?! Не смогу тебе ничего объяснить, так как сама лишь вначале пути, но знаю, что я, ты и весь этот мир связаны воедино, потому нам порой видится и слышится незнакомое, неведомое. – Даша устремила на меня взгляд, полный смятения, словно боялась говорить дальше. – Ты просил меня рассказать о себе?

Я обнял её за плечи и, вновь ощущая нарастающее волнение, ответил. – Не бойся, я всё пойму.

Она отвела глаза и заговорила. – Понимаешь, многие годы я пыталась оправдать ожидания окружающих меня людей, верила, что кто-то другой, не я, знает, что мне нужно, какой должна быть, что рисовать, видеть, где учиться. Я «плыла по течению» чужих желаний, сверяла курс с мнением большинства, учила экономику и финансы, мечтая совсем о другом. Но однажды, неожиданно для себя почувствовала, что хочу и могу всё изменить: поступить в институт хореографии, за-

ниматься тем, что люблю и в будущем учить других тому же. Этот субботний день я помню до мельчайших подробностей.

Утром меня разбудило солнце, а не будильник. Оно коснулось мягким, тёплым колоском света моей щеки. Я открыла глаза и тут же вспомнила, что мгновение назад падала в темноту, а передо мной вспыхивали, как дорожные знаки вдоль скоростной магистрали, цифры, формулы, плакаты, лица знакомых и незнакомых людей. И вдруг я поняла, что больше не пойду на занятия в университет и сегодня же, сейчас скажу об этом родителям. Всё прошедшее показалось в тот момент сном, в котором я не была собой. Я сделала глубокий вдох, спрыгнула с кровати и огляделась. Всё в моей комнате виделось мне особенно чётким, ярким, не таким, как прежде. И я сама была не такой, как прежде! Захотелось распахнуть окно и босиком пробежаться по саду, но мысль о предстоящем разговоре меня остановила. Я спешила, боясь передумать, как это бывало раньше.

Помню, что, когда вошла в кухню, мне показалось, что и в ней всё по-другому, словно за ночь её кто-то нарисовал заново, добавив и цвета, и света. Помню, как каштан за окном махал мне ветвями. Помню голубые кофейник и чашку с дымящимся кофе на столе, узор на мамином халате, её мокрые после душа волосы, рассыпанные по плечам, и её ответ на моё признание.

– Милая моя девочка! – Сказала она, глядя на меня с участием. – Если бы я в твои годы выбрала то, что любила, я бы-

ла бы сейчас учителем рисования в средней школе или вечно безработным посредственным художником декоратором. Ещё я была бы женой юноши, страстно влюблённого в музыку, который сейчас, к своим сорока трём годам добился того, что содержит себя и свою семью, играя на рояли в ресторанах и барах. Любимое дело, как и брак по любви, в нашем мире роскошь, доступная не многим. Ты устала. Тебе необходимо отдохнуть, отвлечься. Купи себе что-нибудь! Длинный свитер, сиреневый или беж. Сейчас они в моде. Или пальто в клетку, такое, как у тётки Эльзы! Или костюм с бермудами! Пофантазируй. Сходи куда-нибудь с подругами! Это помогает, знаю по себе. – Она взглянула на часы и, подняв брови, с виноватым лицом, сообщила мне, что через сорок минут у неё деловая встреча. Мы расстались.

Затем я долго бродила по улицам, размышляя о том, как быть. Побывала на городской выставке детских рисунков, перекусила в кафе. Когда вышла из него, уже темнело. Я хотела возвращаться домой, но вдруг кто-то окликнул меня. Я обернулась и увидела Линду, девушку, с которой несколько раз сидела рядом на лекциях. По блеску её глаз, возбуждённому голосу я поняла, что она, возможно, пьяна.

– Это неслучайно! – Воскликнула Линда. – Если мы встретились, значит, нам по пути! – Она обняла меня за талию, подтолкнула ко входу в ночной бар, в метрах двадцати от нас и продолжила. – Пойдём, потусуемся! Чего киснуть в одиночку?

Мне вспомнился в тот момент совет мамы: сходить куда-нибудь с подругами.

– Всё идёт по плану. – Подумала я.

Потом был душный зал, переполненный людьми с такими же, как у Линды, блестящими глазами. Грохот музыки. Чьи-то плечи, спины, локти, смех. Рука Линды продолжала толкать меня, и вскоре мы оказались у барной стойки. Линда заказала себе коктейль с виски и вопросительно посмотрела на меня. Я отказалась. Затем она что-то тихо сказала бармену. Тот вытащил из нагрудного кармана маленький флакон, вытряхнул из него розовую таблетку в пластиковый стакан, поставил его передо мной и с улыбкой сказал. – Поможет найти дорогу в Рай. Всего за пять долларов.

Линда вопросительно посмотрела на меня, затем взяла стакан с таблеткой и протянула его мне. – Ну, что ты здесь белой вороной хочешь быть? – Она пододвинула ко мне свой коктейль. – Этим запьёшь.

И тогда я подумала, что быть белой вороной или «Глазуньей», как и иметь любимую работу будет мне не по силам и сделала всё, что сказала мне Линда. Сначала был страх, но вскоре мир вокруг меня порозовел. Я впервые почувствовала себя в общем потоке, своей среди своих! Все вопросы исчезли, остался лишь один ответ: всё так, как должно быть! Вокруг меня кружились десятки лиц, и все они казались мне лицами друзей. Не помню, как в моей руке оказался целый пакетик с волшебными розовыми таблетками.

Не помню, что было потом. Лишь обрывки чего-то страшно-го мелькают передо мной, словно кто-то вырвал последние страницы из истории моей жизни, разорвал их на кусочки и выбросил, а ветер принёс мне из сотни лишь несколько: крик машины скорой помощи, знакомое имя госпиталя, голос врача, прочитавшего приговор, свинцовая тяжесть в груди, не дающая вздохнуть и часы, тикающие во мне. А затем. – Даша закрыла глаза и чуть слышно произнесла. – Часы остановились.

Я растерялся. Всматриваясь в её лицо, пытался понять услышанное. – Я понимаю. – Произнёс я наконец. – Так бывает. Иногда нам кажется, что жизнь закончилась, что будущего нет. Но я помогу тебе! Слышишь? Вместе мы всё преодолеем!

Даша отрицательно покачала головой. – Это невозможно. – Почему? Почему? – Повторял я, всё сильнее сжимая её руки.

– Потому что пять дней назад я умерла в палате интенсивной терапии Юго-западного госпиталя. – Еле слышно продолжила она. – Мой диагноз – длинная цепочка непонятных мне слов: Острое отравление наркотиками амфетаминового ряда: МДМА (Экстази). Однако, услышав его над собой однажды, я запомнила всё: и каждую букву в нём, и голос говорившего, и лёгкий запах мужского одеколona. Ещё я помню дыхание слушающего вместе со мной этот приговор. Я знаю, что это моя мама. Возможно, это удивительное свой-

ство умирающего мозга. Настоящее для него – непосильный груз, и он берёт лишь крупички, самое главное – сигналы о том, что источник его жизни высох. Ты спросишь меня, как объяснить всё происходящее сейчас? Не знаю. Я знаю лишь то, что у меня не было в те мои последние часы ни будущего, ни настоящего, а моё прошлое съезжилось и тускнело с каждой секундой, и в тот момент, когда на небе моих воспоминаний осталась лишь одна звезда, я вдруг оказалась здесь. Передо мной простирался бескрайний океан, волны которого рождали золотистую пену, звенели янтарными и чёрными брызгами. А моя последняя звезда уже была не во мне, а далеко впереди меня. К ней от моих ног тянулся лёгкий мост. Я хотела пойти по нему, но вдруг почувствовала, что не сделала что-то очень важное. Я спустилась вниз с холма и оказалась у окна своего дома на улице Зорь, с высоким флюгером-журавликом на крыше и мозаиками из стекла вокруг цветочных клумб, сквозь окно увидела родителей. Они сидели на диване в гостиной и выглядели очень несчастными. Мама плакала, отец утешал её. Я постучалась в окно, но мой стук никто не услышал. Побежала к двери и долго барабанила в неё, оглушая, как мне казалось, весь мир, но никто не открыл. Вновь вернулась к окну, в порыве отчаяния, подалась вперёд, прижимаясь к холодному стеклу и вдруг оказалась внутри дома. Открытие, которое я сделала несколько мгновений спустя, было очень болезненным: мои родители не видели и не слышали меня. Потом я сидела на полу рядом

с ними, целовала их руки, просила прощение, прощала, прощалась. Затем долго бродила по городским улицам и заново проживала каждый день своей жизни: заглянула в балетную школу, ни кем незамеченная постояла у станка, побывала в театре, посмотрела мой любимый балет «Шопениана», а потом оказалась в парке на Пятой улице.

Даша повернулась ко мне. Глаза её, переполненные слезами, сияли, как две изумрудных звезды. – Ты думаешь сейчас, что я тебе снюсь? Или, вероятнее всего, что я призрак, нечто нереальное, то, что видится, мерещится. Однако, поверь, я менее призрак, чем многие из людей, которые мелькают перед тобой на улицах города, экранах компьютеров, TV. Я есть.

– Ты есть. – Повторил я и вытер ладонью мокрые дорожки слёз с её щёк, а она спросила.

– Но почему только ты увидел меня? Почему?

Помню, что в тот момент в голове моей, кружившейся от увиденного и услышанного было темно, однако в этом сумраке мне всё-таки удалось отыскать одну единственную мысль и я, попытавшись улыбнуться, ответил. – Наверное потому, что я Чудик.

Даша прикоснулась ладонью к моим губам. – Ты не Чудик, Ты Чудо! Самое чудесное Чудо из всех чудес! – Она обвила руками мою шею и прошептала. – А сейчас я объявляю белый танец и приглашаю тебя!

И тут я услышал, как где-то рядом зазвенел лист, разбу-

женный дождевой каплей, затем другой, третий. Руки Даши опустились мне на плечи, затем заскользили ниже. Она обхватила прохладными пальчиками мои ладони, развела руки в стороны, как птица крылья, поднялась на носочки и наш разговор продолжился, только уже без слов: глазами, прикосновениями. Даша то приближалась ко мне, то отдалялась и, отпустив мои руки, металась, кружилась, как осенний лист, а я следовал за ней, спотыкался, нервничал, страхась, что могу потерять её. А дождь играл. Он играл и осень, и звёзды, и солнечный свет, и Дашины глаза рядом, и что-то ещё, что осторожно касалось моего сердца, и от каждого его прикосновения захватывало дух. Но вот пальцы дождя стали двигаться медленнее, клавиши перешли на шёпот, и вдруг всё затихло, а я словно с небес опустился на землю.

– Ты действительно не знаешь, кто отдал тебе таблетки? – Спросил я, тщетно пытаюсь справиться с волнением.

Даша отвела взгляд и тихо произнесла. – Не помню, но даже если бы помнила, какое это сейчас имеет значение?

– Мне хотелось бы посмотреть в глаза этому человеку. – Ответил я, а затем, приблизив к ней своё лицо так близко, что наши носы соприкоснулись, сказал. – Я буду заботиться о тебе, и уже никто не сможет причинить тебе вред.

Даша отстранилась. В её взгляде были нежность и ещё что-то, отчего я почувствовал себя так, как, наверное, чувствует Бог. В тот момент мне было всё по плечу.

– Дорогой мой человек, – сказала она, – я больше не вер-

нужь. Тебе необходимо без меня строить своё счастье. Моя земная история закончилась. Жаль, что она получилась такой короткой и грустной, хотелось бы многое исправить и бесконечно много ещё добавить. Однако, теперь я только читатель и очень хочу, чтобы ты написал длинную-длинную, счастливую историю. Когда-то в детстве я заблудилась и, однажды, оказавшись на перекрёстке, выбрала дорогу, которая привела меня в чужой мир. Почему? Я много думала об этом.

Так вот, выставка детских рисунков, где я побывала, убедила меня ещё раз, что маленький ребёнок видит и чувствует гораздо больше, чем более взрослый, разум которого перегружен разного рода схемами, клише, руководствами. Он наделён мудростью, данной ему природой. Мир, открытый ему, не идеален, но естественен и потому более реален, чем мир взрослого человека. Те же, кто с этим не согласны, считают необходимым переделывать этот мир. Однажды они расчлениают его, как труп убитого животного; делают это грамотно, согласно последним достижениям человеческой мысли, уверенные в том, что совершают благо: режут, пилят, кромсают, а потом упаковывают, раскладывают по полочкам и навешивают ценники. Затем рассказывают маленькому человеку, что он должен думать о каждом кусочке своего растерзанного мира и о себе. Они учат его главному из человеческих искусств: жить по законам рынка, подстраиваться под спрос и предложение. Отныне всё для него становится товаром. Всё, даже он сам. – Даша посмотрела на меня, глаза её

словно извинялись за сказанное. – Мы видим не людей, Роман, а то, во что они себя старательно упаковывают, то, что создаёт их товарный вид, согласно общепринятым представлениям о красоте, успешности, счастье. Мы и сами порой так срастаемся со своей упаковкой, что считаем её частью себя. Не повтори моих ошибок! – Она коснулась прохладной ладонью моей щеки, убрала волосы, упавшие на мой лоб и, глядя с нежностью, продолжила.

– Прошу, если то, что ты видишь, слышишь, важно для тебя, верь ему, даже если весь мир будет смеяться над тобой! Помни, что не всё, что видит большинство – реальность, и не всегда то, что видит лишь один человек – призрак. Никогда не предавай себя в себе, не закрывай лицо маской, не меняй мечту на бизнес-план. Чужие дороги не приносят счастье, а мир, в котором принято всё сверять по шаблону это призрачный мир. Мир настоящий велик и многообразен. Люби его, и он откроет тебе своё сердце, расскажет многие секреты, поделится мудростью. – Даша улыбнулась, а я уже открыл рот, чтобы сказать что-то, но что сейчас совсем не помню, однако, она коснулась моих губ прохладной ладонью. – Не нужно ничего говорить. Необходимо время, чтобы всё понять. А сейчас мне пора.

Она сделала шаг назад и начала отдаляться. Нежность, печаль, тревога отразились на её побледневшем, почти белом лице. Я ринулся за ней и раскрыл руки в порыве обнять. Мучительная улыбка скользнула по её губам, а ладони мои

встретились, пройдя сквозь пустоту. Даша всё также стояла передо мной, но уже дальше, на расстоянии нескольких шагов. Она удалялась, но не шла, а словно плыла по воздуху. А меня, словно холодом, заполняло сознание того, что случилось что-то ужасное, непоправимое.

– Не уходи. Не уходи! – Повторял я всё громче и громче, беспомощно наблюдая, как бледнеет образ Даши, словно растворяясь в голубоватом сумраке осеннего вечера. Наконец, она остановилась, пальцами правой руки коснулась своих губ, а затем протянула ладонь ко мне. Я рванулся ей навстречу, но в тот же миг бледное полупрозрачное облако прямо перед моими глазами взметнулось в небо и исчезло.

– С тобой всё в порядке, Ром? – Услышал я рядом взволнованный голос Стива. Не дождавшись ответа, он обнял меня за плечи и, заглянув в глаза, продолжил. – Тебе следует вернуться в госпиталь. Мне кажется, ты нездоров. Я думаю, что Даша уже не придёт сегодня.

Я поднял на Стива изумлённые глаза. – Ты разве не видел её?

– Кого? – Спросил он меня с недоумением. – Твою девушку? Нет. А ты, что её видел?

Я развернулся и пошёл по направлению к машине.

Глава 12

Был тихий, серый осенний день, и, казалось, солнце не всходило сегодня. Я шёл по мокрой от дождя, усыпанной

серой листвой дорожке парка, и всё в нём напоминало мне Дашу. Вот здесь, говорило моё сердце, мы впервые встретились, здесь гуляли под дождём, а у того дерева я поцеловал её, а там, в конце этой дороги я видел её в последний раз. После этого прошло уже более двух недель. Столько всего случилось за эти дни. Я вернулся в госпиталь. Оказалось, что мы отсутствовали всего минут тридцать, и подмена не была обнаружена. На следующее утро приехали мои родители, и я по их просьбе был выписан. Я объяснил им всё, как смог. Мамой мне был поставлен диагноз «Первая любовь средней степени тяжести» и назначен отдых и прогулки на свежем воздухе. В начале, в течение трёх дней я не посещал институт и часами бродил по парку в надежде встретить Дашу, но она больше не появилась. Потом со мной приключилось что-то. Всё как-то померкло, потеряло смысл. Я валялся в кровати с температурой и без малейшего желания есть, двигаться, дышать. Потом были чай с малиной и мёдом, горчичники и ингаляции. Не раз я пытался понять произошедшее, но не мог. Где была явь, где бред? Чтобы ответить на этот вопрос, два дня назад я посетил госпиталь, название которого (Юго-Западный) услышал от Даши, и обратился в стол справок, хотя почти не надеялся, что кто-нибудь захочет мне помочь. Ведь я знал лишь имя, примерный возраст Даши и то, что она, вероятно, чуть больше двух недель назад находилась в палате интенсивной терапии. В глазах любого разумного человека я должен был выглядеть по меньшей мере странно.

Однако, мир, как известно, не без добрых людей. Регистратор, пожилая, с уставшими глазами женщина, сначала слушала мой сбивчивый рассказ с дежурной улыбкой на лице. Я не стал ничего придумывать и, волнуясь, как будто отвечая урок у школьной доски, рассказал ей почти всё: о том, как встретил в парке девушку, что знаю лишь её имя и, как позже узнал, что она попала в госпиталь. Закончив свой рассказ, я посмотрел на регистратора обречённым взглядом, приготовившись к отказу, однако, к моему удивлению, лицо её осветило выражение сопереживания и участия. Она кивнула головой и перевела свой взгляд на экран компьютера. Последующее было, как во сне: щёлканье клавиатуры, стук сердца, а потом голос, словно из далека.

– Даша Ленская умерла 12 октября 2020 года. Диагноз: Острое отравление МДМА (Экстази).

Мне трудно передать то, что я почувствовал в тот момент. Мой разум тонул и всё-таки цеплялся за соломинку: мне вспомнился рассказ Даши о её доме на улице Зорь с высоким флюгером на крыше в форме журавля, с каштаном под окном, с мозаиками из кусочков стекла вокруг цветочных клумб. Во мне ещё теплилась надежда, что всё случившееся лишь цепь невероятных совпадений, и погибшая в госпитале девушка, не моя Даша.

Я без труда отыскал дом, постучал в дверь. Её открыла высокая женщина в чёрном платье с уставшим, бледным ли-

цом. Заикаясь, поздоровался, сказал, что я Дашин друг и хотел бы её увидеть. Губы женщины дрогнули, и она тут же захлопнула дверь. Несколько минут я неподвижно стоял, глядя в одну точку, какой-то завиток в причудливом узоры на покрытой лаком дверной плоти, не зная, что делать дальше. Наконец, осознав, что постучаться ещё раз не смогу, спустился по ступеням и, присев на последней из них, обхватил руками голову. Не знаю, сколько времени я провёл в таком положении, но вот среди звона птичьих голосов и ворчания проезжающих мимо автомобилей раздался звуки приближающихся шагов, а затем старческий, осторожный голос. – Молодой человек, с вами всё в порядке?

Поднял голову и увидел пожилую женщину в длинном светлом платье, с пышными складками, ажурной вязаной шали кофейного цвета, вероятно, когда-то красивой, но сейчас местами распустившейся до дыр и в шляпе с широкими полями, стянутыми двумя оранжевыми лентами, и также, как и шаль, изъеденной то ли временем, то ли молью. Под тенью её странного головного убора я не рассмотрел глаз, лишь исчерченное морщинами лицо и тёплую улыбку на бледных губах. Я кивнул головой. Женщина помолчала несколько секунд, вероятно, разглядывая меня, а затем заговорила вновь. – Жаль Дашеньку. Такая милая девушка. Ей бы жить и жить ещё.

Что-то толкнуло меня изнутри, подкатилось к горлу, перехватило дыхание.

– Где? – Выдавил я из себя, но тут же замолчал, не имея сил произнести то, что хотел.

– Недалеко. Пойдёте в этом направлении. – Ответила женщина, словно прочитав мои мысли, и, подняв руку, указала сухой, бледной кистью в сторону направо от меня. – Прямо, до второго перекрёстка, потом опять направо метров двести. Увидите ворота под аркой, за ними деревья: туи, лиственницы. Следуйте прямо по тропинке до памятника в форме лилии, от него опять направо. – Она сделала паузу, а затем продолжила. – Её – седьмая.

Я опять кивнул головой и опустил глаза, пряча начавшийся в них дождь, а когда вновь поднял их, рядом со мной уже никого не было. Встал, повернулся направо и пошёл вдоль дороги, слушая команды внутреннего навигатора. Всё случилось, как говорила женщина. После второго перекрёстка был поворот направо. Затем ворота под аркой. За ними – тишина, справа, метрах в двадцати – группа деревьев: туи, лиственницы, словно глядели на меня, встречая. Рядом с ними – женщина в длинной юбке, шали на плечах, шляпе с широкими полями, обвязанными лентой. Я подумал: Та же, или другая? Какая разница?

Дошёл до памятника в форме лилии. Начал считать: первая, вторая, третья. Досчитал до шестой и остановился, увидев впереди стоящего ко мне спиной человека. Вероятно, услышав меня, он обернулся. Это был Стив, но не тот Стив, которого я знал до сих пор. Мне показалось, что он стал ни-

же ростом. Его всегда сияющее здоровьем и радостью лицо теперь было бледно, в тусклых глазах – смятение. Губы его дрогнули и растянулись в вымученной улыбке.

– Что ты тут делаешь? – Произнёс он, тщетно пытаясь придать уверенности и голосу, и лицу.

– А что делаешь ты? – Ответил я вопросом на вопрос.

Стив опустил глаза, на щеках его проступили красные пятна.

– Я позвонил, два дня назад и узнал... – Он замолчал.

– Узнал то, что, когда Даша потеряла сознание, ты вместо того, чтобы вызвать скорую, ушёл, оставив её умирать среди одурманенных кайфом людей? – Спросил я, с трудом сдерживая желание дать ему пощёчину.

– Я думал, она в трансе. – Начал было Стив, но я перебил его.

– А, может, струсил? Сколько она приняла таблеток?

– Не помню точно. – Ответил Стив, пряча глаза. – Я сам был «под балдой». – Тут он вновь поднял голову и устремил на меня недоумевающий взгляд, словно что-то вспомнив. – Но ты не мог её видеть! Когда ты встретил девушку в парке, она уже умерла!

Я отвернулся от него и увидел Дашу: овальная фотография на светлом мраморном надгробье. Опустился на колени, и в тот же миг забыл обо всём: о Стиве, о мире вокруг.

Эпилог.

Река бежала и бежала, а, быть может, это я бежал в противоположном направлении, оставляя себя, бывшего ещё секунду, день, месяц назад. Сколько всего, оставленного позади!

Прошло около шести лет, как я потерял Дашу, как последний раз видел Стива. Больше мы не встречались. Позже я узнал, что он сменил университет. У меня оставались номер его телефона, адрес электронной почты, но не было желания возобновлять отношения, мне не о чем было с ним говорить. И вот вчера, среди множества сообщений в своём почтовом ящике на компьютере я увидел от него письмо. Прочсть решил не сразу, словно невидимая стена мешала, и нужны были силы, чтобы её разломать. И я сломал.

Стив писал, что сменил не только университет, но и выбор профессии: поступил в медицинскую школу, специализировался в области наркологии и сейчас проходит интернатуру в одном из наркологических центров. В последних строках он сообщил, что получил небольшой отпуск и осторожно намекнул, что прошло много времени, и нам есть, о чём поговорить. Я ответил ему лишь спустя несколько часов: бродил по трём деревенским улицам бабушкиной деревни, где проводил вторую неделю своих каникул, всматривался во всё, вглядывался, вслушивался, словно пытался получить ответ: как быть? Наконец, решился. Написал, что отучился на факультете биологии, поступил в аспирантуру. Сообщил кое-что из университетских новостей и пригласил Стива в де-

ревню. Через час пойду его встречать на железнодорожную станцию. Минут сорок пути. Потом – со Стивом обратно. Его предупредил: это не горный курорт Вэйл.

«Замечательно!», – ответил Стив, и я понял, что при встрече расскажу ему о своих планах: специализироваться в области психологии. Хочу понять, как человеку сохранить себя в себе, как не отравить, не убить собственное «Я» информационным смогом, побочным продуктом цивилизации, клубящимся вокруг, рисуящим миражи. Как не стать призраком в призрачном мире, о котором говорила Даша? После нашей последней встречи я ни разу не видел её ни во сне, ни наяву, но знаю: она рядом. Она есть. Она не призрак.